

Кондратьев Н.

СТАРШИЙ БРАТ ЦАРЯ
ТОМ 4

Россия Державная

Россия державная

Николай Кондратьев

**Лекарь-воевода
(Окончание); Победитель**

«Алгоритм»

1996

УДК 821.161.1Р
ББК 84(2Рос=Рус)

Кондратьев Н. В.

Лекарь-воевода (Окончание); Победитель / Н. В. Кондратьев —
«Алгоритм», 1996 — (Россия державная)

ISBN 978-5-501-00026-1

Писатель Николай Васильевич Кондратьев (1911–2006) родился в деревне Горловка Рязанской губернии в семье служащих. Работал топографом в Киргизии, затем, получив диплом Рязанского учительского института, преподавал в сельской школе. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и др. После войны окончил Военную академию связи, работал сотрудником военного института. Член СП России. Печатался с 1932 г. Публиковал прозу в коллективных сборниках. Отдельным изданием вышел роман «Старший брат царя» (1996). Лауреат премии «Зодчий» им. Д. Кедрина (1998). В данном томе публикуется окончание романа «Лекарь-воевода» и роман «Победитель», завершающий тетралогия «Старший брат царя». В нем оканчивается рассказ о князе Юрии Васильевиче, кровном брате царя Ивана IV, по собственной воле ставшим простым лекарем по имени Клим... Совершив немало славных деяний, Клим Акимович Безымов, лекарь-воевода по прозвищу Одноглаз, ушел из мира, а в Кирилло-Белозерском монастыре появился инок старец Гемелл.

УДК 821.161.1Р
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-501-00026-1

© Кондратьев Н. В., 1996

© Алгоритм, 1996

Содержание

Книга 3. Лекарь-воевода. Окончание	6
Часть девятая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Николай Васильевич Кондратьев

Старший брат царя. Книга 3.

Лекарь-воевода. Окончание

Книга 3. Лекарь-воевода. Окончание

Часть девятая

Мечом опоясанный

1

Начало первого месяца нового семь тысяч семьдесят восьмого года (сентябрь 1569 года) было необычно теплым и солнечным. Легкий ветерок с восхода неспешно нес длинные хвосты паутины, которые иной раз вспыхивали радужным отражением горячих лучей полуденного солнца. Куртина развесистого дубняка преграждала путь ветру, и на темно-зеленую листву бессильно ложились задержанные нити паутины, по которым беспокойно бегали воздушные странники – маленькие золотистые паучки, не понявшие еще, что произошло с белым волокнистым судном. В своем беге паучки сталкивались, ощупывали друг друга подвижными членистыми ножками; одни дружелюбно разбегались, другие сцеплялись в мертвой схватке...

Гулька стоял перед дубом, присматривался к беззвучной жизни козявок и удивлялся: «Безмозглые, безмозглые, а как у людей! Вон знакомцы повстречались и разошлись по своим делам. А те – враги... Хотя, пожалуй, нет. Скорее, сильный тузит слабого, тот вырвался и наутек! Вроде как я от Захара!» Гулька снял колпак и перекрестился: «Бог ему судья... Сейчас, наверное, я сдачи бы дал, а он воеводе не посмел бы жаловаться... А вон, вон, смотри, смотри!» Гулька даже на цыпочки поднялся: муха зацепила лапкой за присмирившую паутинку и забила в испуге, запутываясь. А паучишко, куда меньше ее, выскочил откуда-то и принялся бегать вокруг. После каждого забега паутинки сковывали ее подвижность. Гулька определил: «Это, небось, Аника паучиный! На мелочи не разменивается, ухватил вон какую! Успокоил, а сам под листок, будет ждать, пока она окочурится. Вот тогда он... – и тут же возразил себе: – Не тот стал наш хозяин, как простил свою дочку Анну два года тому. Будто подменили – прихватывать начал, вот потому и Клима с собой таскает. И, говорят, перестал за горло брать своих недоимщиков. О душе вспомнил, большие вклады в монастыри делает на отмоление грехов своих».

Дальнейшим размышлениям помешали хозяйские конюхи – повели коней к реке на водопой. За ними повел своих и Гулька. У него три коня – воеводин и его, Гулькин, под седлами и выучный для воинской sprawy и запасов на путь-дорогу в случае, если придется не с Аникой, а самостоятельно ехать.

Гулька возвращался с водопоя верхом. Конюхи, стражники вперед уехали. К дубам приближался он с подветренной стороны и невольно сдержал коней. Он увидел: на верхних сучьях дуба паутина моталась по ветру космами, отрывалась и улетала. Присмотрелся – у паучков-странников своя страда: они поспешно ладили к полету свои воздушные ладьи. С земли, может, и не заметил бы, а с седла видать каждую лохматую ладью, ладили их два-три паучка. Зацепив конец паутины к выступающему сучку, который повыше, где ветер повольнее, они

освобождали с листьев боковые паутинки так ловко, что сами оставались на отцепленной паутинке, начавшей мотаться по ветру. И тут же этот паучок бежал паутинкой до следующего зацепленного конца, освобождал и его. Быстро образуются космы паутины, ветер доделывает оставшуюся работу за паучков – обрывает последнюю паутинку, и воздушная ладья уходит в свободное плавание, подхваченная потоком теплого воздуха, поднимается все выше и выше, исчезая в небесной синеве.

«Улетели! Куда? Зачем? Известное дело, любопытно глянуть сверху, узреть Господнее творение... Только понять такое не каждому человеку доступно, а твари безмозглой того паче! Небось, ищут новых мест, хорошей жизни... А вдруг ветер занесет невесть куда!.. Моя жизнь тоже перекаати-поле и зависит от воеводы, да и от Аники. Всю зиму носились по Каме-реке. Воевода проверял, налаживал, собирал воев, учил, а я – рядом. Теперь, вишь, по Сухоне... А где зимой будем?! Не пестую, не ласкаю Васютку. А у него волосики светлыми колечками закручиваются! На меня похож... Когда увижу? Подрстет, испугается, как чужого!»

Тут услышал голос Клим:

– Гуля! Где ты? Поехали.

2

Поезд Аники невелик, всего четверть сотни коней: кожаный возок хозяина в два-конь цугом да три подводы, тоже цугом, с припасами на дорогу, с подьячим и писарем да с пятком пеших стражников при них. С каждой подводой запасный конь под седлом. Потом Гулька, стремянной воеводы Клим, в три-конь и десять конных стражников в полном оружии. Поезд этот снаряжен в долгий путь. Правда, хозяин на нем от Соли Вычегодской до Устюга Великого всего лишь едет, а дальше Аника переседет на судно. Поезд же пойдет дорогами до Вологды. А уж оттуда – куда хозяин пожелает. А там, ежели задержатся, колеса на полозья поменяют.

Уже из Соли Вычегодской всем приказчикам весть побежала – хозяин едет с ними беседовать, с одними в Устюге, с другими в Тотьме да Вологде. Потому спешки в передвижении не было – дни заранее назначены.

В Вологде стало известно, что отсюда хозяину надлежит в Устюжну Железную поехать: оттуда задержали поставку церенного железа. По пути крюк совершил – посетил Кирилло-Белозерскую обитель и Ферапонтов монастырь. А в день преподобной Евфросинии Александрийской (25 сентября) поезд Аники ранним утром заехал в горицкий Воскресенский женский монастырь. Привратница принесла разрешение настоятельницы – знатного гостя Строганова и воеводу его пропустить на монастырский двор.

Игуменья, средних лет полная монашка, приняла их, стоя посреди обширной горницы. Ее внушительный рост дополнительно подчеркивал высокий черный клобук, так что невольно Аника и Клим, подойдя под благословение, почувствовали себя недоростками. Она опиралась на длинный толстый посох, больше похожий на дубинку. Клим тогда не к месту подумал: «Ай да настоятельница! У этой не забалуешь! Потому, видать, инокини так смиренно стоят вдоль стены, не шелохнутся!»

– Очень рады мы вашему посещению нашей обители! – низким голосом заговорила-запела игуменья, широким жестом приглашая садиться на скамьи. Сама, выставив вперед посох, опустилась в кресло, стоящее напротив.

Аника не стал садиться. На левой руке он держал расшитую ширинку, теперь правой отвернул три конца, открылась небольшая калита из позолоченной кожи, и с поклоном попросил принять приношение на благолепие обители. Настоятельница бровью повела, у стены одна из монашек ожила, неслышно приблизилась, приняла калиту и положила на аналой рядом с креслом. Настоятельница цепким взглядом оценила приношение и запела благодарение таровитому гостю. Аника выслушал ее, продолжая стоять, потом с низким поклоном сказал:

– И еще просьба до тебя, матушка игуменья, дозвожь нам свидеться с инокиней Евдокией и поднести ей в день пресвятой Евфросинии вот этот образок Варвары Великомученицы нашего письма и освященного в Коряжмском монастыре. – Аника отвернул последний угол ширинки, открыв икону: на серебряном окладе сверкнули камня.

Настоятельница задержала взгляд на иконе и веско заметила:

– Желанный гость наш Аника Федорович! Инокиня Евдокия приняла строгую схиму, и посещение ее кельи и поминки запрещены. Однако ж, – она сделала многозначительную паузу, окинув всех строгим взглядом, – вчерась пришло известие: государь наш всемилостивый Иоанн Васильевич опалу снял и жалует своею милостью – приглашает инокиню Евдокию, в миру княгиню Евфросинию Старицкую, и ее сына князя Владимира Андреевича, что воеводствует в войсках, к себе, перед свои ясные очи! Назавтра из Белоозера ждем струг. Потому теперь тебе, знатному гостю, можно свидеться с ней. – Настоятельница подала знак, и у стены ожила еще одна темная фигура и вышла. – Сию секунду мы предупредим ее. А ты поведай мне, гость дорогой, почему мало соли завозишь в наши края? – И начался хозяйственный разговор, интересный для обеих сторон. Теперь Аника, прикрыв икону ширинкой, сел на предложенное место. Присел и Клим. Однако ждать пришлось недолго, вернулась монашка и, поклонившись, осталась стоять у двери. Настоятельница, задав еще несколько вопросов, приказала монашке проводить гостей.

Келья инокини Евдокии находилась посреди монастырского двора в рубленом доме с крыльцом и сенями, в которых гостей приветствовали поклоном несколько монахинь. Два зарешеченных окна пропускали достаточно утреннего света, однако в келье все было темным, бесцветным. Маленький язычок лампы освещал темные лики двух икон без окладов.

Инокиня Евдокия сидела на простой, ничем не покрытой скамье. Из-под черного куколя, опущенного ниже бровей, сверкали полные жизни глаза, хотя не скрытая черным платком часть лица казалось безжизненно-бледной. Из складок одеяния открывались такие же бледные руки и пальцы, медленно перебирающие крупные зерна черных четок. Около инокини на маленькой скамеечке притулилась еще одна инокиня. Темный плат покрывал ее голову обычной монашеской повязью: туго закрывал лоб, щеки и шею до подбородка. Еще не увядшая молодость светилась в ее голубых глазах с черными ресницами, еще заметна розовая свежесть ее губ.

Намного раньше нынешнего посещения монастыря Клим знал, что наперсницей высокородной схимницы была инокиня Екатерина, в миру боярышня Евдокия Сабурова, первая жена царевича Ивана Ивановича. Но главная причина особого внимания Клим заключалась в том, что боярышня Евдокия приходилась племянницей Соломонии, первой жены великого князя Василия, то есть перед ним была двоюродная сестра Юрши! Конечно, Юрша, князь Юрий, давно умер, но Клим все ж не мог отвести взгляда от инокини Екатерины. Он искал в ней родственное сходство с инокиней Софией. Искал, но, увы, не находил – память хранила образ святой женщины, а тут было все земное... Разумеется, инокиню подобные мысли не тревожили. Она многое слышала о купце Строганове и теперь внимательно слушала его разговор со схимницей. А на седого одноглазого спутника купца она лишь мельком взглянула.

Инокиня Евдокия с благодарностью приняла дорогую икону и посетовала:

– Иконостас-то мой семейный отобрали... Слава богу, хоть вон эти два образа оставили. Как это наша настоятельница разрешила тебе икону поднести?!

– Сказала: послабление вышло тебе от государя. Он к себе приглашает.

– Не нуждаюсь ни в каких послаблениях! – повысила голос схимница. – Господу слава, что живота не лишил! Да и князя Владимира при себе держит, войско доверяет, и на этом спаси Бог! Ты не обессудь меня, Аникушка, не могу тебя ничем попотчевать, как прежде.

– Может быть, деньги нужны, матушка? – тихо спросил Аника.

– Что ты, что ты, Аникушка! Я же – схимница, и деньги мне нельзя иметь!

– А ежели все ж потребуется для обзаведения чего, сообщи моему приказчику в Кириллове. Всегда готов порадовать тебе во здравие.

После взаимных благодарностей поговорили еще о том о сем, и схимница благословила уходящих гостей. Инокания Екатерина проводила их сожаляющим взглядом – кончилось какое-никакое, а все ж развлечение в их однообразной жизни.

Игуменья пригласила Анику позавтракать, но тот сослался на далекий путь и распрощался с обителью. До Вочнемской переправы Клим ехал верхом, заполненный переживаниями и воспоминаниями, а после полдника Аника кликнул его в свой возок.

3

Светило яркое солнце бабьего лета. В повозке под кожаным пологом с духотой боролись порывы ветерка, врывавшиеся в откинутые занавески. Чтобы не пылить хозяину, возницы других подвод поотстали, а стража, рассыпавшись, держалась обочин, поросших травой.

Аника с Климом сидели рядом на мягких, набитых сеном подушках, на всякий случай придерживаясь за подлокотники. Дорога была накатанная, ехали легкой рысью, но попадались неожиданные ухабины. Еще до того, как трогаться, Аника сказал своему возничему пересестись с козел в седло на первую цуговую – предстоял разговор не для ушей челяди. Некоторое время ехали молча. Потом Аника спросил:

– Как Воскресенский монастырь?

– Ухоженный. Бабы руки всюду заметны.

– Да, сестры трудолюбивые, да и игуменья их в руках держит... Вот, Клим Акимыч, какая судьбина инокини Евдокии, коей на поклон ходили мы. Могушественная княгиня Евфросиния Андреевна создала в Горицах обитель женскую во славу княжеских родов Старицких и Хованских. А четверти века не прошло, как государь наш, племянничек княгини, сослал ее сюда простой монахиней. Видал, какая она горем убитая!.. Я в Старицах бывал у нее, государыней принимала! Теперь же, когда у меня образок брала, руки ходуном ходили... Могло бы и другому повернуться – всю Россию в этих самых руках держала б! А? Сказывай, как мыслишь?

Клим без особой охоты возразил:

– Не слышал я, чтоб княгиню Евфросинию в государыни прочили. Князя Владимира – другое дело, слухи ходили.

– Вестимо, о ней разговор не шел, в уме держали. Призвали бы князя Владимира на великокняжество московское – вся власть у княгини Евфросинии. Сам князь властности не кажет. Сейчас во всем покоряется государю: тот отобрал вотчину, дал меньший удел – не возражает, сослал мать – ни слова в защиту. Говорят, в прошлом лете князь Иван Петрович Федоров и иже с ним на плаху пошли по доносу князя Владимира: ему князь Иван Петрович намекнул, мол, есть люди, кои хотят облегчить участь Старицкому княжеству. А князюшка по простоте душевной все выложил царю!.. Наверное, и взаправду теперь государь смиростивился, к себе приглашает с матерью. Видать, вспомнил верную службу... Чего-то, я смотрю, ты в молчанку играешь! Разговор не по нраву, что ль? Аль боишься, донесу?

– Знаю, Аника Федорович, доноса от тебя не будет. А все ж жизнь учит: говори, что знаешь наверное и что тебя касается. А тут – никаким боком...

– Ну что ж, правило хорошее. А все ж бок для касания есть. Опять же говорят: много будешь знать – скоро состаришься. А я хочу больше знать, иначе в торговых делах нельзя. Открою тебе тайну: в каждом большом городе держу своих дослухов, кои слушают, зрят и мне доносят обо всем, а я решаю – касается это меня или нет. Важное до меня борзо бежит. Ты вон свои гоны вводишь по делам воеводства. А у меня давно есть, кое-что я раньше тебя знать буду. Вот так-то.

– Тогда зачем же я.

– Надежности для, Клим Акимыч. И еще: станешь больше знать, ведомо станет, что от чего зависит. Вот, к примеру: заметил я, как ты на инокиню Катерину смотрел... – Клим потупил взгляд и вцепился в подлокотники, хотя ухабов не было. – Теперь, пожалуй, мало кто помнит, что она племянница государыни Соломонии! А тебе, само собой, любопытно. – Аника многозначительно крикнул. Клим вопросительно посмотрел на него, купец отвел взгляд и со вздохом сказал: – Прости, Клим Акимыч, это, как говорится, к слову пришлось... А я о ином хотел поговорить с тобой. Ты слышал что-либо об Изверге?

– В Священном Писании...

– Не то! Сейчас в наших землях людей смущает. Не слыхал? Так вот, его татем, чумой чествят, другой раз вором новгородским именуют. При том при всем имени христианского доискиваться строго не велено. Прячется он будто в Новгородской земле под защитой архипастыря Пимена Новгородского, а по весям и монастырям ходят его люди – дети и слуги бояр да князей опальных, кои живы остались. Эти глашатаи возводят хулу на государя нашего, предрекают скоро конец царствования его, мол, грядет истинный, законный великий князь московский, имя его не всем открывается. Говорят, стража государева, шиши разные гоняются за смутьянами, одного изловят, а десяток новых появляются! Пойманных пытаются жестоко высокие опричные начальные люди по-скорому, без писарей, коим потом приказывают записать: вор указал, что встречался с таким-то, ночевал там-то, деньги получил от того-то. Этот список у Малюты вон какой!

– Уверен, Аника Федорович, наших с тобой имен там нет.

– А оказаться там вон как легко – стоит не угодить какому-нибудь опричному князю... Я-то думал, полюбопытствуешь, кто такой Изверг.

– Ты же сказал: не велено доискиваться.

– Тебе знать нужно. Это – первенец великого князя Василия Юрий Васильевич!

Долго они смотрели друг на друга, пока возок не забился на колдобинах и кони пошли шагом. Клим тихо сказал:

– Аника Федорович, такого ж не может быть! Ты знаешь: Юрий Васильевич мертв. А такое самозванство приведет к страшному кровопролитию. Ты говоришь: поддерживают его иерархи, бояре, купцы. Я вижу – чем выше поддержка, тем больше крови!

– Но и сейчас льется кровь на Пожаре, в уделах...

– Верно! Раньше лилось меньше. Теперь жестокости, несправедливости больше. Но это верховная власть удерживает низы – такое искони идет. Но ежели самозванец или даже выходец из великокняжеской семьи пойдет на правителя – гибель для народа! Смуте обрадуются наши соседи – Литва, Речь Посполитая, особенно татары; каждый станет норовить оторвать кусок послаще! Неужто такое не ведают доброжелатели самозванца?!

– Значит, ты считаешь обязательным стенка на стенку. А ежели церковь, боярство, купечество договорятся – тяжелая, угнетенная жизнь объединяет. И вот тебе на престоле новый великий князь!

– У нас такого не бывало, чтобы договориться о замене живого правителя. Такое может произойти, скажем, в Польше. А у нас... Однако, положим, тайно договорились, никто не захотел услужить правителю, предать других. Грядет смена, а за каждым правителем свои бояре, князья. Они за власть крепко держатся, их потребуются усмирять. Начнутся наезды, разгромы, насилия, а дальше стенка на стенку. В любом случае кровь, кровь, большая кровь!

– Спаси Бог тебя, Клим Акимович, напомнил мне – государь – помазанник Божий и править ему, пока смерть придет, а людишкам повиноваться положено!

– Так... А вот боярам да князьям думным надобно печься не только о себе. Какой бы ни был правитель, но он знает: народ – это его сила. Он поймет и поддержит думных, если те проявят заботу о малых мира сего, заботу о величии государства!

– Эх, дорогой Климент Акимович, случается, что не поймет! – Аника положил руку на руку Клима и слегка пожал ее. – Вот сейчас после такого разговора мне открылось многое. Недоумевал я – почему ты стал лекарем? Мужичье лечишь... Силком тебя воеводой сделал. Оказывается – ты пожалел слабых, сирых! Смирился... Погодь, погодь, не ерепенься! Путь у нас с тобой долгий, все успеем высказать друг другу. Тогда, наверное, и легче, и понятнее все будет. А сейчас о другом хочу спросить. Как бы там ни было, а Изверг есть, существует. Опричники готовят список, с кем он сносятся. Как мыслишь о сем? Конечно, на это дело можно посмотреть и так: ты – мещанин Соли Вычегодской, я – тамошний губной судья. У нас в таких делах все спокойно, в руках держим людишек. Пусть Изверг и иже с ним Малюту беспокоит. Правда?

– Да нет, Аника Федорович... Полагаю, Изверг – мое дело, кровное!.. Список списком, а до горячего дело дойдет, головы полетят без разбора – виновен или нет... И опять же, кто этот Изверг? Вдруг победит, полегчает ли кому-нибудь?!.. Придется, видать, владыке Пимену открывать глаза на самозванца.

– О Пимене много наслышан, хорошего мало. Пимен – первый противник митрополита Филиппа, бесстыдную ложь на него возвел. Надеялся сам митрополитом стать, ан не вышло, избрали троицкого архимандрита Кирилла, вот он на всех и озлобился, и на государя тож. Так что с ним надобно держать ухо востро. Ежели сам пойдешь – конец благополучию мещанина Клима Безымова. Да еще как повернет, а то и роду Строгановых достаться может. Спешить с таким делом нельзя, придется многое разведать, найдем надежных послухов.

На том первая откровенная беседа Аники и Клима прервалась. Клима успел сказать только: «Согласен». Цуговой вершник обернулся и крикнул:

– Аника Федорович, Белозерская слобода показалась.

4

От Белозерска до Устюжны и от Устюжны до Ярославля верст четыреста с гаком. Тут погода начала портиться, дожди пошли, похолодало. Из-за грязи непролазной ехали больше шагом. Клима почти всю дорогу в возке Аники, а возчик хозяйской подводы забыл, когда на козлах сидел, все на цуговой... Только Анике и Климу известно, какие тайны они поведали друг другу, какие решения обсуждали.

Одно из таких расстроило Клима: Аника доверительно сообщил, что по возвращении в Соль Вычегодскую уйдет от дела и наденет схиму:

– Ведь мне, Климушка, уже семьдесят второе лето! Все мои сверстники давно в могилу сошли, а я вот по дорогам трясусь. Опять же хворобы разные пристают, не будь тебя – худо было бы. Пора костям покой дать. Да и детям моим свобода нужна, пусть похозяйствуют, узнают, почем фунт лиха... И о душе подумать пора – грешил много!.. Тут еще вот ты затеваешь, тоже у Бога помощи просить надобно.

– Жаль, Аника Федорович, очень жаль. Ты мне сильно помог в жизни. Теперь не ведомо, как посмотрят на меня новые хозяева.

– Пока хозяин будет один, Яков. Он мужик сметливый, в обиду тебя не даст. Ты ж делай свое дело, хозяйству от этого убытка не будет. Что до Изверга... Тут только от тебя да от Господа Бога все зависит...

Все долгие беседы начинались и кончались Извергом. Аника порой сожалел, что Клима узнал о том. Где-то вблизи Ярославля пришло окончательное решение: прежде всего разобратся, что творится в Новгороде, не по слухам, а на месте. Далее, самое сложное – разоблачить самозванца, открыть глаза Пимену. Тут начинаются сомнения – вдруг Пимен знает о самозванце? Вдруг действует из собственных и высоких соображений? Такой ход возможен, в характере владыки. Тогда разоблачитель исчезнет быстрее и бесшумнее, чем в Разбойном

приказе! И действовать надобно так, чтобы отвести удар от Соли Вычегодской. К примеру, в Ярославле Клим Акимов исчезает. Два преданных человека, Фокей и Гулька, – успокаиваются самим Климом. Первый получает письмо, второму Клим скажет, чтобы он верил Анике и ехал с ним. Далее, появляется никому не известный лекарь, скажем Юрша. Аника, оставаясь в стороне, поможет ему пристать к торговому обозу. Лекарь, видать, нагрешил много и дал обет поклониться чудотворной иконе Богородицы Новгородской, а также Печорской лавре. Поклонится лекарь, а что далее будет, одному Богу известно. Аника понимал, какому риску подвергается Клим, но тот твердо решил хотя бы ценою жизни, но обезвредить самозванца. Перед исчезновением Клим решил связаться с Нежданом через его людей; мудрость этого человека не помешает в предстоящем опасном деле.

Колокольным призывом к вечерне встретил их Ярославль. Остановились они в Торговой слободе на подворье Строгановых. Клим намеревался на следующее утро походить по торговому ряду, присмотреть платье, подходящее паломнику, а чтобы сделать это в тайне, Гульку полагал направить к шорнику починить седло. У Аники свои заботы – к нему на встречу приехали приказчики из разных городов. Первым к нему пошел старший ярославский. После первых его слов Аника приказал крикнуть Клима. Оказалось: седмицу назад Разрядный приказ послал распоряжение в Соль Вычегодскую Строгановым срочно собрать заказанную полтысячу воев и святками прислать ее в Ярославль.

За последние два года Клим со своими помощниками подготовил две смены до полсотни воев-десятников, из которых можно отобрать и смело назначить десяток сотников, таких как Савва Медведь, Василий Бугай, не говоря уже о Фокее, который сейчас остался за воеводу, вроде как тысяцкий. С помощью этих десятников и сотников в Устюге и Яренске прошли сборы и обучение по три сотни завербованных конных и пеших воинов. Однако в Разрядном приказе что-то не сработало и весной подготовленных воев не приняли, а предложили помалу всех наградить и распустить до будущих времен. И вот теперь вдруг потребовалось собрать и прислать всего за два месяца да еще в осеннюю распутицу!

Аника с Климом совещались и один на один, и с приказчиками. Решили: Клим бежит без задержки в Вологду. Оттуда, пока не стала Сухона, на судне под парусами и на веслах до Соли Вычегодской. Собирать сотни и готовить к зимнему походу. Аника тоже поспешно едет в Москву, нужно увеличить срок сбора хотя бы на месяц, на предзимнее бездорожье.

От Ярославля до Вологды путь не велик, чуть больше полуторы сотни верст, но кони отвыкли от спешного бега. Клим положил на гон два дня, а выюк брали с пятидневным запасом на троих и четыре коня – Клим брал с собой одного стражника на всякий случай. Выезжали завтра с первыми петухами, потому полагали лечь спать с солнышком.

Но прежде чем думать о сне, Клим направился по известному ему адресу к человеку Неждана. Пришел он в торговые ряды. Кругом добротные лавки с богатыми товарами. Время уже к вечеру, а торг идет бойко. Вот нужный ему лабаз: лари с мукой и зерном, наполненные мешки. У огромных весов два приказчика отпускали товар. За небольшим прилавком чернобородый, без единой сединки человек. Клим с поклоном спросил, может ли он видеть Веренея Игнатова.

– Я – Вереней. Чего тебе? – прохрипел владелец черной бороды.

– Доброго здоровья тебе, Вереней. Меня звать Климом Акимовым, лекарь я. Мне надобно слово передать Неждану Скоморохову.

– Здоров будешь, Клим Акимов, – хрип заметно помягчел. – Спрашивал меня Неждан, не наведывался ли ты ко мне. Ладно. Давай твое слово.

– Скажешь: Клим побежал в Соль Вычегодскую. Обратно будет с ополчением строгановским между Святками и Масленицей. Пойдет с Устюга через Галич и Кострому. Дело у Клима к Неждану неотложное. Идет Клим на поклон к владыке Пимену. Перед тем надобно повидаться. Вот и все.

Хрипатый повторил и добавил, что слово Неждан получит самое позднее на той седмице. У Клим невольно вырвалось:

– Он тут, близко?! Где же?

Однако Вереней вопроса вроде не слышал. Быстро отошел к приказчикам. На поклон Клим слегка кивнул.

В тот вечер Гулька со стражником действительно легли с солнышком, а Климу не удалось – позвал хозяин.

На улице уже потемнело, а в хозяйской горнице всего лампада у киота. В полутьме Клим разглядел, что Аника ходил по горнице, неслышно ступая по толстым половикам. На лавке сидел незнакомец. Клим заметил, что все люди Аники рослые, голову держат высоко и иной раз не в меру нахальные, разумеется с посторонними. Этот же был какой-то придавленный, голова глубоко между плечами, и ростом не вышел – ногами со скамейки пол не достает. Можно было бы принять за подростка, если бы не рыжая борода. Когда вошел Клим, Аника кивнул на неизвестного:

– Это Коконя, мой соглядатай. А ты, Коконя, расскажи еще раз все без утайки, мы послушаем. Да не бойся – это мой друг Клим, ему доверяю, как себе.

Мужичок откашлялся и заговорил низким голосом, удивительным для такого подростка:

– В тот день я собрался ночевать у кума в Поречье, что на Серой, супротив Слободы. Перед вечером пошли ставить мережи, а на дороге купеческие подводы. Хозяин, видать, спрашивает, где переночевать можно. Кум ответил, что, мол, за тем перелеском вон заезжий дом в деревне Слотине. Отвечает: «Нас оттуда поперли. Говорят, князь Владимир Андреевич с семьей пожаловал. К государю в слободу гостем едет». Кум повел купца к себе, а я мережи поставил и в Слотину – в заезжем доме я прислуживал постоянно. На дворе хозяина поймал...

Аника прервал рассказчика:

– Что ж, и охраны никакой?

– Зачем, на улице двух вершников видел, а на задах никого. Так вот, увидел меня хозяин и руками замахал, мол, иди, иди, не до тебя! А потом, видать, вспомнил и говорит: «Коконя, сбегай к бондарю. Бадью заказал ему, моя-то развалилась, а воды вон сколько требуется». Через сколько-то времени нес бадью прямо по улице. Меня стража цап-царап! Отвели к хозяину. Во дворе говорили шепотом: князь и иже с ним почивать рано легли – из Дмитрова конец немалый. Я ж переночевал у бабки Бобылихи. У нее что хорошо: с чердака заезжую избу видно и всю улицу. Заутра, это, значит, в день апостола Иакова (9 октября), мы не успели с ней хлеб с луком дожевать, на улице конский топ. Выглянули – не меньше сотни кромешников... – Коконя поперхнулся, возможно, вспомнил, что Аника тоже опричник, и поправился: – Так вот, не менее сотни государевых опричников. Их не признаешь – все верхами и в куколях, вроде схимников, а с саблями и луками. По селу промчались, всех в избы загоняли, а кто замешкался, посекали, сам видел. – Коконя перекрестился. Он отдышался. Аника не торопил, прошелся из угла в угол. Рассказчик тяжело вздохнул и продолжал приглушенным басом:

– Эти самые, вроде схимники, избу приезжих окружили. На этот раз и с огорода. Потом тихо стало, кто из селян сунулся за водой как бы, плетью и саблями в избу загоняли. Легкий топ слышался. Пять в таких же схимах ехали, под ними кони постатнее да сбруя сверкает. Опричники, что на улице, этим пятерым до луки седельной поклон отдавали. Эти пятеро в приезжую избу завернули, перед ними ворота настежь. Сколько-то долго тишина стояла, потом в заезжей гвалт поднялся. Из избы голые выскакивали, больше бабы. Их на дворе саблями секли, а тех, кои на улицу вырвались, лучники кончали. Потом опять все затихло. Пятеро сели на коней и уехали в слободу. За ними все остальные схимники. На охране избы остался десяток. Они стащили с улицы на двор голышей, коих настигла смерть... Далеко за поддень деревня

опомнилась и зашевелилась. Печи затопили, за водой пошли. Однако останутся две соседки у колодезя словом перекинуться, глядишь, вершник появился, плеткой грозит, бабы кто куда.

Коконя замолчал, Аника остановился подле рассказчика:

– Ну, ты чего?

– Страшно, хозяин... А на другой день рано утром пришли люди из слободы, привезли гробы, много гробов. На кладбище Понизовском большую могилу вырыли и поставили туда тринадцать гробов. Говорят, поклали туда пять мужиков и восемь баб голышом, покидали одежонку кое-какую. Поп пришел... А в двух крытых повозках еще десять гробов увезли... – Коконя замолк, задумчиво вглядываясь в темный угол избы, и нехотя продолжал: – Селяне обходили заезжую, а я в обед задами прошел туда. Во дворе чистота, песком посыпано. А в избе все вверх ногами! Кровь на полу и на стенах, ворохом ковши, склянки, тряпье... Я тут стон услышал, насмерть перепугался, а потом из-под печки хозяйку заезжей избы вытащил. Святой водой побрызгал, отошла, очнулась, немовать начала – язык у нее отнялся. А еще один гроб в избе остался. Говорят, покойничек сбежал...

Возможно, Коконя долго продолжал бы, но Аника спросил:

– Ты давай поведай, что с князем Владимиром и его семьей случилось.

– Что? Отравили их. Будто государев повар донес, что ему князь Владимир отраву и деньги дал, чтоб погубить государя. Эту самую отраву в вине развели и заставили их выпить. Пили по очереди: сперва князь, потом княгиня и княжата... На мертвых глядеть позвали челядь, а там княгини и дети боярские были. Приказали им проклясть врагов государевых, а они зарыдали и проклинать убийц принялись, какие мечи выхватили. Ну их тут же раздевать и убивать начали...

Клим все время сидел молча, а тут не выдержал:

– А раздевать-то зачем?!

– Малюта будто приказал. Голые, мол, перед Богом все равны.

– А кто эти пять всадников были?

– По-разному говорят. Трех точно опознали: Малюту, Басманова Федора да князя Вяземского. А двое в тени держались, одни говорят, что это государь с наследником приезжали, другие, что государя тут не было.

– А чьи гробы в крытых повозках отравили?

– Княжескую семью да кого поважнее из челяди. И в голых разобрались...

Помолчали. Коконя сполз со скамьи и, захватив свою суму, спросил:

– Ну, я пойду, пожалуй?

– Ступай с богом. Там тебя покормят, а завтра зайди, еще кое-что спрошу, да и награжу.

Пискнула дверь за Коконей. Аника еще раза два прошелся по горнице. Встал и Клим.

– Я, пожалуй, тоже пойду. Спаси Бог тебя.

Аника без слов понял Клина и задерживать не стал:

– Будь здоров, Климушка.

Заутра Аника наведалься проводить Клина. Они отошли в сторонку. Хозяин за ночь как-то осунулся. Наверное, не ложился, он тихо сказал:

– У меня еще известие, ночью приехал человек, коего посылал на Шексну. Струг, что ждали в Горицах, почему-то задержался на сколько-то дней, потому речники спешили. С княгиней Евфросинией поплыли еще дюжина монашек, в миру высокого звания. Им натопили судную избу и хватились где-то на другой день у каких-то Городищ. Все монашки угорели до смерти!.. Тут же торопливо поделали гробы, незнатных зарыли на неизвестном кладбище, а кого познатнее дальше по уделам развозят. Упокой, Господи, души их! Заметь вот что: угорели они в тот же день, когда казнили князя Владимира! Вот так-то!

Клим перекрестился и, потупившись, стоял, не в силах произнести слово. Аника продолжал:

– Княгине Евфросинии Бог судья, она многого хотела, может, и виновата в чем перед государем. А чем виновата инокиня Александра, в миру Евдокия Остина, вдова князя Юрия Васильевича, невестка государя? До самой смерти князя мучилась с мужем ненормальным. Или тоже невестка государева инокиня Катерина – тем и виновата, что удерживала мужа от разгула со свекром-батюшкой, государем всея Руси!..

Гулька со стражником уже в седлах. Клим к ним присоединился, так ничего не сказав, лишь поклонился Анике, а тот наставительно добавил:

– Якову Аникиевичу скажи и Зоту: пусть гоняют всех и в хвост и в гриву, а срок держат. Я попробую уговорить о сни-схождении, но знаю: государь супротивников не жалует. С богом.

Скачка многочасовая освежила голову, подумать времени хватало... В Вологде, пока Гулька с приказчиками готовил судно, Клим зашел в одинокую церквушку, сделал богатый вклад и заказал на помин души вновь преставившейся инокини Екатерины, в миру Евдокии.

Священник долго гадал, кто же это был такой щедрый, а с виду неказистый? И кто же такая Евдокия?..

5

Теперь на дворе мещанина Соли Вычегодской Клим Акимов, Одноглаза Безымова большой дом по-белому с двумя пристройками, баня, конюшня, сарай для скота, кладовые, амбары – обстраивается помаленьку. Вот сейчас плотники ставят отдельную избу для почетных гостей, которые каждый день бывают. А живут тут, кроме воеводы Клим, его товарищ-помощник Фокей Трофимович с женой, сыном, которому третий годик, и дочерью – скоро год ей, да стремянной воеводы Гуля, Гурий Афанасьев с женой и сыном, еще конюх, а может, дворник иль хозяин всего двора Кион со старухой Стефанидой. По праздникам же приходит к ним Кирилл – гость желанный, большой руки иконописец и пока послушник создаваемого Введенского монастыря.

Как видим, народу полно, а вот последнее время дома только бабы да ребятишки, и командует всеми Кион, тот со двора редко отлучается. И началось все с приезда хозяина неделю назад. Он еле добрался на судне – по Вычегде густая шуга шла. И хотя реки еще не встали, уже на следующий день все разъехались в разные стороны, да еще прихватили с собой приказчиков и подьячих. Оставшиеся Бога молили, чтоб не случилось беды какой с близкими. А Василиса чуть не каждый день в церковь бегают, свечки ставит... Наконец, на радость всем, с хрустом и скрежетом Вычегда стала.

Первое дело – собрать людей в десятки и сотни, а они рассыпаны по Сухоне и Вычегде. Этим сбором занят воевода с помощниками. А на Зоте – подготовка обоза, на каждую сотню – семь подвод с запасами на дальнюю дорогу для людей и коней. К примеру, с лишком две седмицы пути до Ярославля. Это в Святки и мясоед, то есть для всех шести сотен на день побольше десяти пудов мяса и пудов под тридцать хлеба, а там лука, толокна, да на четыре сотни лошадей без малого сто пудов ячменя и овса. Выходит три подводы одной еды на день. По пути придется не раз пополнять.

И вот еще задачка для Зота. От Соли до Ярославля пять сотен верст с лишним. То есть пеший вой в пути износит одни кожаные сапоги или три пары лаптей, да две смены теплых онуч. Может, выгоднее нанять по две подводы на десяток? Известно: зимой гужевой – дешевле некуда! Решение Зота и воеводы: от Соли до Устюга все движутся своим ходом. От Устюга до Галича – пешие на подводах, а дальше, как сотни развернутся.

Сразу после Рождества в Соль Вычегодскую начали приходить первые десятки ополченцев. Из них собрали пешую и конную полусотни, снабдили обозом и пустили в путь, повел их Савва Медведь с подьячим. К тому времени приказная изба приготовила список поселений по пути движения и расстояния между ними. По этому списку Клим с Медведем и подьячим

наметили места ночевки и дневок. Теперь Савва должен был проверить, справедливы ли эти наметки. А главное – сколько можно было разместить людей в этих местах, не делая зимних станов. Все старались, чтобы собрать полное ополчение в Костроме, передохнуть и прийти в Ярославль готовыми незамедлительно следовать дальше.

Медведь вернулся, ушли еще три сотни с разрывом в один-два дня, а сейчас в пути две последние – пешая и конная, с ним Клим и Медведь. Миновали Галич, до Костромы осталось два перехода. Погода благоприятствовала: легкий мороз и отсутствие сильных метелей позволяли надеяться, что поход завершится благополучно, и ополчение будет в Ярославле за два-три дня до Масленицы.

Однако на отдание праздника Богоявления (14 января) с полночи подул порывистый ветер. Из села, где ночевали, вышли, было еще терпимо – ветер и поземка немного сильнее обычного. Полагали – погода разгуляется, в разрывах быстро бегущих облаков проглядывало голубое небо. Отправились, как всегда, после плотного завтрака. Первой вышла пешая сотня и обоз, с ними Клим и Медведь. Конники выкармливали и поили коней, задержались примерно на час, но к середине дня нагоняли ушедших вперед и после отдыха уходили вперед готовить место ночевки себе и пешим.

Ближе к полудню ветер разгулялся, крутил со злобной силой, подняв в воздух горы снега, бросая их во все стороны, валил людей с ног, сбивал лошадей с дороги. Стало ясно, что длительное время двигаться дальше или возвратиться назад невозможно. Ураган прихватил их на открытой местности, по которой они двигались уже верст пять. Попадались лишь отдельные придорожные деревья, обглоданные ветром, и низкорослый кустарник, занесенный до верхних веток. Да особо и не осмотришься – в двух саженьях уже ничего не видно, а колючий снежный ветер забивал глаза. Трудно было высматривать придорожные вешки, из которых маленькие оказались занесенными, а большие выдраны.

Особенно тяжело было обозникам: ветер сталкивал груженные сани и лошадей в сугробы. Пешие вои пришли на помощь, обоз медленно, но продолжал двигаться. Впереди десяток наиболее здоровых воев, соединившись плечо к плечу, сопротивлялись безумству ветра. Эти молодцы ногами и палками нащупывали в снегу твердь дороги и отыскивали сохранившиеся вешки. Двигались они медленно, обоз подтянулся – возчик задней подводы старался не терять из виду задок впереди идущих саней. Сотник же пешей сотни ушел к последней подводе, он с несколькими воями следил, чтобы кто-нибудь, не дай бог, не отстал.

Клим спешился и тянул своего коня рядом с Гулькой. Стремянной с надеждой взгляды-вался в понурую фигуру воеводы, ожидая от него действий, которые спасут обоз. Однако Клим считал, что сейчас самое разумное хотя и медленно, но двигаться по дороге. Иное дело, если здесь был бы лес – можно было бы загородиться и переждать непогоду. Но вокруг леса не видно и не слышно шума ветра в больших деревьях. Идти искать лес в незнакомой местности рискованно. Конечно, в крайнем случае можно встать здесь, посреди дороги, санями и лошадьми загородиться от ветра и ждать. Таким образом людей можно спасти ценой потери большинства коней. Это оставлял он на крайний случай.

Вдруг впереди раздался многоголосый вопль, размытый ветром. Обоз встал. Клим продолжал идти. Вои прятались от ветра за груженными санями. Возчики хлопотали у лошадей, освобождая их морды от наледи. А пурга старалась наместить вокруг подвод сугробы повыше.

Вот мечущееся скопление воев. Оказывается, упала лошадь и придавила возчика. Развязав поклажу, его положили между мешками, Клим не стал смотреть раненого, как он мог ему помочь на таком ветру? Возчика укрыли и вновь завязали, осталось надеяться на выносливость и на Господа Бога. Кроме того, сломалась оглобля, ее уже починили, положив на излом два черенка от лопат и затянув запасными ременными вожжами.

Пришел Савва, приблизив лицо, сказал Климу, что где-то тут рядом, он помнит, должна быть деревушка, из-за малости не помеченная в дорожном списке. Все ж там можно передохнуть. Клим согласно кивнул головой и добавил:

– Давай, Савва, веди! Наше спасение и сохранение коней в движении.

С большим трудом тронулся обоз. Лошади упирались изо всех сил, но, чтобы сдвинуть сани, воям приходилось раскачивать их. И вот тут вскоре природа сжалась – ветер начал стихать. В снежной круговерти проявились силуэты соседних подвод, потом следующих... Люди вздохнули полной грудью, лошади пошли ходчее, хотя сугробы остались теми же.

Приоткрывшаяся видимость принесла неожиданную неприятность. Впереди показались избы. Раздался крик: «Дере-евня-а!» И недавно набранные ополченцы забыли, что они вои: оставили подводы и бросились к избам, толкая друг друга. Несколько воев, не добежав до изб, устыженные, возвратились к подводам. Сотник, вырвав кнут у возничего, пытался с его помощью остановить бегущих, но те, увертываясь, не обращали внимания на его крики. Клим остановил его:

– Сейчас ничего не поделаешь, дай им прийти в себя. А сам запомни, кто остался и кто вернулся – это твоя опора.

– Десятники-то, десятники! Пятеро тоже сорвались! – сокрушался сотник.

– Благодарю Бога, что не все. Подумай, может, заменить придется. А пока веди обоз, я с Саввой пойду в деревню.

У первой избы два здоровенных мужика держали воя, а третий, седобородый, орал, махая кулаками. У одного мужика синяк под глазом, другой свободной рукой держал у носа горсть порозовевшего снега. Вой крикнул: «Воевода!» – указал на подходящего Клима и вырвался. Седобородый поспешно обернулся и, не увидев ничего угрожающего, заорал пуще прежнего:

– Тоже мне воевода! Туды распротуды! Распустили воев! Наших бьют!

Клим подошел и громче седобородого гаркнул:

– Здорово, мужики!!

Мужики нестройно ответили, а седобородый замолчал. Клим немного тише спросил:

– Мне староста надобен.

– Я – староста, – ответил седобородый.

– Так вот, староста, сейчас в деревню войдет небольшой обоз, а следом за ним сотня конников. Все полузамерзшие и напуганные. Так что ежели будем шуметь, добра не будет. Как тебя звать?

– Акимом, – отозвался староста, начиная осознавать беду, свалившуюся на него.

– Акимом моего отца звали, вечная ему память! А меня Климом кличут, полутысяцкий опричного ополчения. Прежде всего ты мне должен сберечь обоз в двадцать коней.

– Да ты что! Где я...

– Аким, ты хочешь сохранить свою деревню? Тогда думай и отвечай. Овин у тебя есть?

– Овин-то... В нем хлеб немолоченный.

– Худо, вовремя нужно молотить! Далеко он?

– Хлеб же там!

– Ты что, хочешь погубить у меня коней и воев?! Повторяю, где овин? – Клим поднял плетень.

Мужики угрожающе двинулись к воеводе. Медведь поправил саблю, рядом встал Гулька и спасшийся вой. Мужики попятились. Из метельной белести на улицу въезжали подводы обоза. Староста уныло ответил:

– Овин тут рядом, на околице.

– Хорошо. Вот подъедут все, посылай своих, кого поумней, чтобы снопы сдвинуть, возчики помогут. Очаг там есть?

– А как же.

– Теперь, как сберечь конников? – Староста развел руками. – Скажи, у вас такие метели надолго?

– Нонче зимой ни одной не было, это первая. Так не меньше седмицы крутить будет.

– Село поблизости есть?

– Верст двадцать.

– А лес, бор самый близкий?

– Есть. Верстах в пяти...

– Не пойдет. Ближе. Учти, сам поведешь нас в такую выюгу.

– Небольшой есть, в версте примерно.

– Ладно, поведем туда конников.

– А как же с этими? Ведь набились... А у меня дети, старики, больные...

– Вот сотник. С ним разберетесь. Обмороженных и слабых по избам, а здоровых по баням, ригам и в овин, там, думаю, места хватит. А теперь пошли в избу, где свободнее. У нас помяли одного, лечить будем.

С саней сняли неудачливого возчика, он слегка постанывал. Изба, к которой подвел староста, была прочно заперта, на дворе лаяли псы. В щели забора виднелись молодцы с дубьем. Вызов хозяина остался без ответа. Клим приказал ломать ворота. Появился молодой мужик и впустил Клим и еще человек пять. Возчика раздели, положили на скамью. Клим ощупал его, тот, сдерживая крик, скрипел зубами. Приказал нащепать толстых лучин, завернул их онучами, обернул грудь, убежденно сказал: «Ничего страшного. Ребра помяли слегка», а сотнику и старосте поручил решить, сколько сюда еще воев на постой ставить.

Вышел Клим на улицу, забитую ветром со снегом, и только сейчас ощутил разницу между теплом избы и снежною круговертью.

К деревне приближались конники, они спешили и шли по трое в ряд, тянули за собой коней. При малейшей остановке припадали к ним – закреплялась дружба воя с конем. Не заходя в деревню и не давая время на отдых, сотня повернула резко в сторону в еще большие сугробы. Впереди шли два мужика с палками, рядом Савва. Клим на ходу объяснял сотнику и десятникам, а те воям, что в версте их ожидает укрытие, не объясняя какое. Из обоза взяли и раздали воям топоры, пилы, лопаты.

Клим понимал, что светлого времени осталось не более двух часов. С Медведем договорились, чтобы он поторапливал проводников. Те смотрели на приготовленные топоры и пилы и горевали:

– Погиб Темный бор! А сколько там грибов было!

Клим взял у Гульки повод своего коня, и они с ним влились в тесный строй уставших конников.

6

Наверное, только через полчаса изменился тон завывающей бури, появился глухой шум, вскоре переросший в рев – боролись два великана: ураган с преградой из деревьев. Вокруг из белеси все чаще и чаще выныривали мечущиеся на ветру небольшие деревья, потом побольше, и вот они на просеке – по обеим сторонам – деревья. Теперь скрипели, трещали в завывающем ветре только вершины, а внизу проносились отдельные порывы. Просека пошла на подъем. Вожаки и первые конники остановились, остальные подтянулись, заходя в чащу.

Клим заранее договорился с Медведем о сооружении укрытия. Клим помнил, как построить кудеяровскую ледянку, но здесь не было глубоких лесных оврагов, опять же требовалось время, да при таком ветре... Свое укрытие Савва назвал большим чумом, и при учебе его сооружали. Десятники знали свои обязанности, теперь, когда стало ясно, что делать, все при-

шло в движение. Савва объяснил мужикам, что нужно для чума, они оказались толковыми, необходимое место было найдено без проволочек.

Для центральной части большого чума необходимы несколько вековых деревьев, стоящих рядом. С обеих сторон к ним подваливали другие так, чтобы их вершины зависали на кроне стоящих, а комели лежали ровным рядом. Уже через полчаса, повалив два десятка деревьев и выровняв их, образовали огромный шалаш, внутри которого сдвигали снег, срубали кустарник и свисающие сучья приваленных деревьев. Мелким ельником закрывали щели между деревьями, чтобы не сдувало их ветром, приваливали большими сучьями. Внутри настилили толстый слой лапника. Теперь ветер врывается только с торцов, которые быстро перекрыли. Завели лошадей и принялись их кормить.

Сумерки охватили лес, в чуме стало совсем темно. С двух сторон у торцов шалаша очистили снег и зажгли долгий костер, на который клали сухостойные сосны целиком, обрубив ветви. Невысокие языки пламени породили движущиеся тени и отражались радужными блестками в глазах коней. На кострах установили котлы десятков, грели воду и приготавливали жирную саламату. Пар и дым исчезали струйками в зеленых стенах чума-шалаша. Стало теплее, но было страшно тесно, кони стояли бок о бок в два ряда. Люди теснились между ними и с обеих сторон костров. Люди после еды сразу засыпали, иной раз стоя, прислонившись к лошади, ухватившись за седло. Десятники следили, чтобы вои переобувались в запасные портянки.

Кое-кто обморозил щеки, нос, один – ногу. Клим с Гулькой лечили – смазывали гусиным салом, бадейку которого Гулька прихватил из обоза. А снаружи свирепствовал ветер и усиливался мороз. Вдруг порыв ветра раздвигал ветви, и на людей и лошадей обрушивались горы снега. В образовавшуюся щель совали срубленную ветку и заплетали разогретым орешником...

На следующий, второй день бурана построили еще один чум поблизости, стало просторнее. Люди почувствовали себя бодрее, все пили подогретую воду, Клим запретил есть снег, даже лошадей поили растаявшим снегом.

На третий день Клим отправил с мужиками в деревню пять конников во главе с Медведем, которые туда вешили дорогу, а обратно из обоза привезли корм лошадям и людям. В общем, жизнь налаживалась. При постоянно горящих долгих кострах было достаточно тепла, тем более около лошадей. Медведь рассказал, что в деревне сотник справился со своей сотней и нашел общий язык со старостой. Помог убрать хлеб из овина и переселил туда многих воинов, оставив по избам только слабых и больных. В свою очередь староста Аким просил передать приглашение воеводе и сотнику: он им хорошо оборудовал за эти дни баню. Однако Клим остался с воями.

Буря свирепствовала еще четыре дня. А на Ефимия Великого (20 января) ветер будто ножом отрезали, но хватил мороз. Клим с сотником конных и Медведем выехали в деревню. На совет вызвали и старосту. Тот уверял, что во всех селениях застряли обозы и они сегодня тронутся в путь. Сам он уже отправил людей выставять вешки вдоль дороги. Ветер, по его словам, «выдулся», и дня два-три будет ясно и морозно.

Клим решил: пешей сотне и обозу выйти сегодня и остановиться на ночь в селе, куда они не дошли в день начала бурана. Конная же сотня выйдет сегодня ночью с тем, чтобы с двумя дневками быть завтра вечером в Костроме

7

В Костроме, к стыду десятников и сотников, подсчитали: за переход обморозились и заболели два десятка воев и три возчика. Их перевели в строгановское подворье, оттуда с попутными обозами вернутся по домам. Дело для заболевших безрадостное: вои одежду и жалованье получили, грамоты подписали, по которым придется отрабатывать. Пять основных сотен, вместо выбывших, Клим заполнял из шестой, считавшейся воеводской, сотником кото-

рой был Савва Медведь. Себе он отбирал наиболее ценных воев и сейчас отдавал с большой неохотой. Про самих воев и говорить нечего!

Два дня Клим дал на отдых, а сам налегке решил выехать в Ярославль завтра. А теперь ехал на подворье еще раз осмотреть больных. Навстречу ему два всадника, по одежке – его вои: полушубок, меховые штаны, сапоги и треух. Однако ж он не помнил в сотнях такого малорослого воя с коротко стриженной бородкой да еще на красавце коне в сверкающей сбруе. Рядом – юный воин с заплечницей, видать, стремянной. По росту их не отличишь.

Боже! Какой же это незнакомец!

Вот они сблизились и молча принялись тискать друг друга.

– Друг мой, Неждан! Не можно узнать тебя! Мне тысяцкого обещали, не ты ли?

– Сто лет тебе здравствовать, воевода Клим Акимович! Не тысяцким, а простым воем к тебе иду. Примешь? Как видишь, и одежкой твоей запасаю.

– Придется принять

– То-то... Ты вот, Клим Акимыч, лукавишь, что не признал меня. Я такой же. Только вот не сообразил – коня и сбрую не по чину дали. Ну да ладно. А вот про тебя скажу: облик у тебя мещанина Соли Вычегодской Безымова, воеводы Одноглаза, и никого более! Понял? Я бы не узнал, да мне тебя показали. Исполать тебе!

...За то время как Клим начал встречаться с разными воями и стражниками на Вычегде-реке и на Сухоне, он изменил свой облик. Вои обычно носили короткие волосы на голове, а то и вовсе стриглись наголо. А Клим, наоборот, отпускал волосы. Да и Вере нравились его мягкие, послушные пряди – это, пожалуй, последняя память о ней! Теперь, на иноземный манер, волосы чуть ли не до плеч, посреди головы пробор. На правую часть лица чуб спадает, прикрывает рассеченную бровь и темную впадину пустой глазницы. Волосы белесые и вроде как бы золотистые слегка. И еще одна новая примета – бороду в ширину отпустил, издали голова квадратной кажется. Так что, действительно, узнать его стало непросто...

Клим никуда не спешил, и Неждан пригласил его к своему знакомцу, у которого сам остановился. Скоро они вдвоем сидели за столом в малой светелке, перед ними стояли кубки, но они забыли про вино. Сблизив головы, тихо разговаривали. Неждан с самого начала предупредил, что все знает о воеводе Строгановского удела.

– Сразу видно: хозяин – дошлый мужик! – продолжал Неждан. – И все скверно, ежели он скрыл от воеводы, зачем государю спешно потребовалось ополчение. Должно тебе быть известно, что ныне опричное войско громит новгородские земли, потребовалось подкрепление.

Клим тяжело вздохнул:

– Нет, Неждан, Аника не стал бы скрывать. Он полагал, что вои идут в Ливонию. Что касемо новгородских дел, то Аника ожидал опалы государевой на Новгород, ибо бродили там людишки Изверга – самозванца нового.

– Так, так, – будто обрадовался Неждан. – Об Изверге слышали! Поведай, до чего вы с Аникой дознались.

Клим передал без утайки разговор в пути и собственное решение идти к Пимену.

– Да-а! Аника много лишнего узнал! – сожалел Неждан.

– Он догадывался раньше... Давал мне понять.

Неждан продолжал размышлять вслух:

– В его интересах, пожалуй, помалкивать... Он советовал идти к Пимену?

– Аника не верит новгородскому архипастырю.

– Разумно. Это был бы твой бесславный конец. Пимен всю жизнь мечтал стать верховным князем церкви. Потому оклеветал Филиппа, но не вышло. Теперь новый ход... И вдруг ты – искатель правды! С первых же слов он поймет, что в товарищи ты не годишься. И оказался бы

раб Божий Клим в подвалах монастырских. А они, поверь мне, обширнее и надежнее подвалов Разбойного приказа! И пытаться там умеют.

Клим отрицательно качал головой:

– Не могу согласиться! Архипастырь – как человек – может ошибаться, но умышленно идти на преступление – не верю!

– Да-а... Помнится, раньше уже приходилось от тебя слышать что-то похожее.

– То было иное... А теперь верно, что опричники в Новгороде ловят Изверга?

– И да и нет. Тайный сыск идет, может, год уже, и список виновных у Малюты ежедневно растет. А кого шукуют, не ведомо. Говорить о нем заказано и поймать – надежды никакой. Берегут его, видать, люди властные... Государь северным землям никогда не доверял. Потому держит там своих доглядчиков. И вот полгода назад один из них привез из Новгорода дворянина Волинского Петра, кой покался государю, что знает, где хранится грамота о тайном сговоре новгородцев с Литвой. В Новгород поскакали верные люди. Петр привел их в новгородский храм Святой Софии, из-за иконы Богоматери извлек свиток, опечатанный печатью архиепископа Пимена. Оказалось – это письмо, где новгородцы просили Великое княжество Литовское помочь низложить Иоанна Васильевича, а великим князем московским поставить князя Владимира Старицкого. В благодарность за содеянное земли новгородские переходят в Литовское княжество! Как видишь, в свитке ни слова об Изверге. Однако ж письмо подписано первыми властью предержавными людьми, числящимися в списке Малюты Скуратова. Накануне Крещения прибыли опричники в Новгород и теперь берут на правех всех по тому списку и всех других, кто подвернулся. Священнослужителей, купцов, ремесленников, казнят и правых и виновных, грабят и разоряют монастыри и храмы. Убивают торговых людей, передают огню их достояние, кое не смогли увезти с собой опричники...

– Это же крошечники! – воскликнул Клим. – Государь не знает об этом! Он...

– Знает. Сам наблюдает с моста, как сталкивают в Волхов семьи, попавшие под опалу, с бабами и ребятишками. А тех, кто сразу не пошел ко дну, по его приказу добивают опричники с лодок!

– Не верю! Помазанник Божий и так... – возмутился Клим. – Не от тебя бы слышать этот поклеп на государя! Сам ты ничего не видел? Веришь брехунам всяким!

– Новгородские избиения не зрил, но говорили мне люди, коим верю, как самому себе! И верю потому, что насмотрелся на остатки Твери.

– Зачем о Твери? Разговор-то про Новгород!

– Ой, Клим, каким ты недоверчивым стал! Не узнаю! Все ж остынь, а я по порядку расскажу. Так вот, государь завладел грамотой – письмом новгородцев. Был он тогда в Александровской слободе. Туда собралось все опричное воинство, кто говорит две, другие – семь тысяч. Государь вызвал туда князя Владимира с семьей и погубил их. Может, ты и этому не веришь?

– Слышал... Спаси, Господи, души невинных.

– Ну а государь и двор его молились и пировали, а потом вдруг все исчезли, осталась лишь охрана двора. Даже когда, точно никто не знает, вроде – в первых числах декабря. Тысячи всадников – это не пылинки, а затерялись. Где-то появился слух, шепотом передавали: государь возникал то в Твери, то в Торжке – уходил на полночь. Шепчут, дрожат. Почему? Чтоб дознаться, побывал я в Твери, и вот что узнал. Государь прямо из Александровской пошел в Тверь. По пути всех встречных передовой отряд убивал, деревни выжигал. В Твери объявили: не выходить из домов под страхом смерти. Малюта объезжал улицу за улицей, по каким-то известным ему приметам выбирал дома, убивал в них всех, дом поджигал. Кое-кого отводили на допрос, эти люди исчезали. Все так напугались, что хорошо знакомые мне боялись откровенно рассказывать. Хоронить потом пришлось сотни... За Тверью лихая судьба постигла Торжок, Вышний Волочок, Валдай.

– Не пойму, зачем же бить людей? В чем они провинились? Ну, новгородцы провинились, будто бы хотели уйти в Литву. А Тверь, Торжок?

– Вот я и спрашивал себя и друзей. И, оказывается, били тех, кто как-то связан был с Извергом. Избивают так, чтобы и памяти не осталось.

Всех разговоров не переговоришь за один раз. Решили назавтра ехать вместе, а чтобы сподручнее беседовать, Неждан взял у знакомого возок.

Клим не мог не верить Неждану. С другой стороны, он спрашивал себя: как мог государь, Божий ставленник, истреблять своих подданных?! Невольно приходила мысль: уж не безумство ли?

Возке он услышал о последних часах жизни разжалованного митрополита Филиппа. Тот жил в заточении в Саввском монастыре близ Валдая. К нему государь послал Малюту за благословением. Посланец рассказал Филиппу, что государь наложил опалу на Пимена, главного обидчика Филиппа. Государю казалось, что Филипп будет рад беде доносчика-лжеца, и государь получит благословение от уважаемого святителя. Однако Филипп проклял Малюту. Скуратов вышел из кельи старца и объявил, что схимник задохнулся от сильно натопленной печи.

Клим перекрестился и засомневался:

– Дорогой Неждан, как я могу поверить сказанному? Кто подслушал разговор Малюты со старцем? Кто знал о намерении царя? Пустой доммысел сие.

– Тебе что, мало: вошел Малюта к здравствующему старцу, а ушел, когда тот Богу душу отдал? И, надо полагать, кто-то слышал, какое наставление давал государь верному слуге своему. И другое тебе скажу: подозреваю, что Филипп знал о том самом Изверге, был он у него. Не получил ли он благословение? Вот тогда произошел иной разговор между Малютой и Филиппом, когда тот узнал, что государь идет громить самозванца!

Кто мог ответить на этот вопрос? После размышления Клим спросил Неждана:

– Как могло получиться, что недоверчивый государь сразу поверил Петру Волынцу? Ты хорошо помнишь письмо? Там замешано низвержение государя? Если они замыслили уйти в Литву, то им все равно, кто Москвой правит.

– Верно. Эти сомнения и меня посетили. Потом, какой смысл долгое время хранить такое письмо заговорщикам? Откуда у Петра сведения о нем? Потом, совпадение подписей со списком крамольных семей?

– Откуда тебе известен список опальных?

– Раз говорю, значит, известен, не весь, конечно.

– А все ж, может, подделка то?

– Если подделка, то людей дошлих. Дьяки сверяли печати, подписи...

– Ладно, что веришь дьякам... А Петр Волынский небось в гору пошел?

– Да нет. Слышал другое: большой куш хапнул, по кабакам ходил, всех угощал, потом тихо сгинул. Много непотребства знал.

Прикидывали с разных сторон, и каждый раз выплывало недоброе, непонятное. Предварить опалу на Новгород не удалось. С Пименом государь первым расправился и продолжал наказывать новгородцев. С горечью от бессилия Клим предложил:

– Может, пойти и покаяться государю? Тогда за что бичевать других?

Неждан нахмурился и резко прервал Клим:

– Не большого ума дело, когда полагал спасти от опалы новгородцев посещением Пимена. А пойти к государю еще глупее, прости Христа ради. Я не верю, что Иван не может поймать Изверга, борзые у него натасканные. Скорее, не хочет. Ему страшен не сам Изверг, а люди, готовые пойти за ним. Вот Иван и вылавливает их, и казнит, а шумят, будто они в Литву собираются. Ты покажешься, Иван наверное поверит и возликует, а Малюта потихоньку придушит тебя – ему не привыкать. И не станет помехи вылавливать противников, гоняясь за Извергом! Так что придумай что-нибудь другое.

– Тогда нужно уничтожить Изверга! – решительно сказал Клим.

– О! Это уже лучше! – согласился Неждан. – Но такое дело не легкое. Однако помочь могу...

Обсуждение отложили на потом, когда определится, куда посылают ополчение. Но путь продолжался, и Клим узнал о многом другом. Оказалось, Кудеярово братство почти распалось. Одни осели на землю, в казаки подались, другие воли захотели, разбойничками стали. Но Кудеяр жив, под ним небольшие ватажки, в Рязанщине больше, но и в Прилитовье есть. Прежние атаманы тоже осели, больше от старости. Про себя Неждан так сказал:

– Я, к примеру, во Владимире кожевенный торг имею. Ватажникам иной раз помогаю. У меня в Разбойном приказе дружки есть, один еще с тех пор, как мы Юршу спасали, Ивашко Сухоруков. Теперь он в гору пошел, первым дьяком стал.

Клим откровенно удивился:

– Первым дьяком стал, а твой хомут до сих пор таскает?! Давно б сбросить должен.

– Он пробовал. А у меня там еще знакомец завелся, тот предупредил. Ивашко, видишь ли, отпустил вора Кочергу, пообещав воровство того забыть, ежели я, то есть Неждан Скомо-рохов, исчезну. А вышло, что жена и дочь Ивашкины исчезли; пошли к вечерне и пропали. Весь Разбойный приказ на баталки поставили, сколько невинных похватили и искалечили. Меня с Кочергой тоже хватились. Ан никого. Только через седмицу поспокойнее стало. И тут вечером идет Ивашка из приказа, позади него стражник. А тут я навстречу. Сразу не признал; я успел шепнуть, мол, хочешь видеть жену, отпусти стражника, он тебе не надобен, а меня води домой. Тут около меня двое мужиков появились. Понял Ивашка, и пошли мы с ним вдвоем. Крепко поговорили. Все грехи его вспомнил. Поклялся он мне тогда быть моим вечным данником и не замышлять ничего дурного. В ту же ночь жена и дочь невредимыми явились. Потом мы с ним не раз заморское вино попивали, когда он во Владимир жаловал или я в Первопрестольную.

В общем, Неждан остался самим собой. Сургун тоже – в Суздале на монастырской пасеке.

– А Кудеяровы сокровища целы? – полюбопытствовал Клим.

– Вскрывали... Помогали кое-кому. Потребуется, и тебе поможем.

Сообщил Неждан об игуменье Тавифе, что крепкой дланью держит Девичий монастырь, и об инокине Нионилле, внучке Сургуна.

...Вспомнили, казалось бы далекое, недалекое прошлое. Интересно и приятно, все было светлым и радостным. Все невзгоды забыты. Да и было ли что плохого?! Но сегодняшние заботы ждут своего решения, безжалостно оттесняют близкие сердцу воспоминания.

8

Под вечер прибыли в Ярославль. Неждан отправился к своему очередному знакомцу, а Клим остановился на строгановском подворье. Тут он узнал, что хозяин здесь и у него гость – опричный тысяцкий. Как только слуга доложил о приезде Клима, Аника пригласил его к столу. Войдя, Клим перекрестился, произнес здравицу хозяину и гостю; за это краткое время успел присмотреться к тысяцкому. Тут же появилась настороженность – с этим крепким седым воем он где-то встречался!

Аника представил их друг другу. Тысяцкий оказался князем Луцкиным Глебом. Теперь все прояснилось: Глеб Луцкий – сотник соседней стрелецкой сотни при осаде Казани. Несколько раз они встречались у воеводы, стояли рядом под стягом. С тех пор минуло пятнадцать лет, Клим тогда ранили, и они больше не встречались. Бывший сотник поседел, раздоб- рел, но остался по-прежнему любителем поговорить. Но вот откуда у него княжество?

Гость опорожнил уже не один кубок и теперь оживленно перечислял свои победы в Ливонии. Аника усердно подливал ему вина и подбрасывал вопросы. Скоро из многословия князя Клим уяснил, что полутысяча местных ярославских ополченцев уже отправлена в Ста-

рую Руссу; вся тысяча там будет ждать дальнейших указаний. Аника осторожно спросил о новгородских событиях. Князь откровенно сознался: до него доходили слухи о государевой опале, но за такие слухи болтунов надо наказывать.

И еще из разговоров Клим уразумел, что, посылая ополченцев, городское начальство направляет с ними небольшие отряды для хозяйственных целей, проще говоря – скупать и собирать награбленное. А вот Аника Федорович посылает без малого сотню, шестую, Медведя – сразу видно, какой размах! Тут князь с пьяной откровенностью упомянул о богатых поминках, кои получал от хозяев. Аника заверил, что за ним не задолжится. Молодец, всем понятен предлог, под которым он держит своих людей недалеко от Новгорода!

На следующее утро Аника поведал Климу, какие беды свалились на Новгородчину.

– Опоздали мы с тобой, Клим Акимыч, отвести беду, да и не смогли бы, – горился Аника. – А сотню Медведя посылаю не корысти ради, как думает князек. Может, сумеет Медведь помочь в чем. Говорил я с ним, хороший мужик, кажется, все понимает, на что я намекал, и то, что дело опасное. Награбленное скупать тоже будем, посылаю опытного подьячего, прозвище подходящее у него – Кролик. Пусть Кролик с Медведем себя покажут. А тебе, Клим Акимыч, самому решать, что делать. Как порешишь, так и будет.

Клим ответил уверенно:

– Аника Федорович, мое решение твердое – Изверга надо убирать. Он несет великие беды.

– Вон как! Государь со своими доглядчиками его схватить не могут, а ты...

– Наоборот, царю надобен Изверг! Он у него вроде подсадной утки – соглядатаи и стражники хватают тех, кто к нему тянется. Я тут повстречал друга былых времен, он мне поможет.

– Что это за друг? – встревожился Аника.

– Не беспокойся, Аника Федорович, я с этим человеком куль соли съел. Не будь его – не жил бы я на этом свете. А вот к тебе его дозволю не приводить: дело опасное затеваем, мало ли что может случиться.

– Хоть звать-то как?

– Нежданом Скомороховым, из казаков он, ныне приторговывает.

– Ладно, согласен. Сказано: береженого Бог бережет. И все ж люди тебе понадобятся. Медведю веришь?

– В таком деле веры мало. Проверять не раз потребуется. Из сотни найдем доброхотов.

– А в разговоре разрешаю намекнуть: в случае чего Аника, мол, в беде не оставит.

– Благодарствую.

– И моя просьба к тебе. Знаю – ты человек удачливый, а все ж оберегайся, не узнавши брода, в воду не суйся. Дело у тебя правое, но никто не осудит, ежели не выйдет. А ежели выйдет – никто не узнает, кого благодарить надобно!

Князь быстро принял ополчение; в каждую сотню назначил своего опричника товарищем сотника и увеличил вдвое обоз, для чего заранее приобрел подводы и запасы. Не задерживаясь, отправлял каждое утро по сотне в поход до Старой Руссы. Первой – сотню Медведя.

От Ярославля до Старой Руссы дюжина малых гонов по сорок верст – дневной путь обозов и пеших путников. Или шесть больших гонов для конников. К вечеру третьего дня пути сотня Медведя подошла к Вышнему Волочку. С горем пополам ночевали на заезде двора, спешно построенном на пожарище с продуваемой конюшней, стороженной из обгорелых плетней. А поутру увидели на главной улице из конца в конец – полуразрушенные обгоревшие очаги, припорошенные снегом, обгоревшие деревья и ползущие змейки поземки – снега с пеплом. На их пути через город попались все две-три несгоревшие избы. И ни одного человека – увидели всадников, попрятались. Клим пытался заговорить с людьми заезжего двора, но они кланялись и отходили. Бабы охали: «Ой, не знаю, господин хороший, ничего не знаю».

Ехали весь день, попадались разоренные деревни и села, запах пожарищ и тишина. Несмотря на колючий мороз и жгучий ветер, вои, проезжая пепелища, снимали треухи и крестились. Подобные разрушения Климу доводилось видеть на тропе движения татар, Орды. А тут прошли русские люди во главе с православным государем! Господи! Как Ты допустил?! За какие грехи?

К вечеру въехали в поселок Валдай, этот пострадал меньше, чем селения до него. Уцелевший заезжий дом и несколько соседних изб приняли на постой воев. И все ж с появлением всадников жителей будто ветром сдуло. Клим с Нежданом выбрали дом, стоявший на отшибе. Зашли, никого, хотя изба натоплена. Гулька и стремянной Неждана Гришка походили по двору, пошумели. Когда расседлали коней, появился старик. Принялись его расспрашивать, он, как и все, ничего не видел, ничего не знает.

Когда постояльцы поужинали, старик ушел и вернулся с полузамерзшей старухой. Хозяйева, не раздеваясь, ушли за печку и тихо сидели там, старуха изредка всхлипывала. Неждан выгреб из котла остатки саломаты, взял две ложки и направился за печку. Долго шептался со стариком, старуха плакала... Клим уснул.

Наутро старуха сама согрела воды и сварила репы. Хозяйева завтракать с постояльцами отказались, но поглядывали на низ дружелюбно. Неждан оставил на столе пригоршню монет. Пока вои садились на коней, хозяйева крестились. Клим спросил Неждана, что ему довелось узнать.

– Невеселое дело, брат Клим, деется. На Святки тут побывали кромешники. Избы заняли, хозяев выгнали. Всю ночь пировали. Потом баб и девок к себе потащили. Сын хозяйский в котухе прятался, а тут за жену заступился, его зарубили... Уехали кромешники, сноха поплакала, поплакала, да на себя руки наложила...

Из Валдая свернули с Новгородского тракта на Старую Руссу. Верст через двадцать проехали через поселок нетронутый, однако ж, вымерший – напуганные селяне не показывались всадникам.

9

Сотня Медведя добралась до Старой Руссы к вечеру. Высланный вперед вестник вернулся с проводником, который проводил прибывших в Стрелецкую слободу на сотенные заезды. На следующий день поутру до завтрака Неждан в сопровождении стремянного Егорки верхами уехал по своим делам. Клим после завтрака, взяв с собой Гульку, пошел осматривать заезды.

Сотенные заезды оказались довольно большим острогом в конце слободы, протянувшейся по правому берегу Пилисто. В каждом сотенном заезде – три обширных избы для размещения сотни воев и два-три десятка обозных людей этой сотни, затем утепленные конюшни на полторы сотни лошадей и двор для обоза, огороженный плетнем. Таких заездов Клим насчитал дюжину, половина из которых была занята ярославским ополчением. Кроме того, в остроге дымились кузницы, около каждой – станок дляковки лошадей. По углам частокола острога возвышались сторожевые башенки, правда, стражи там видно не было. Главные ворота выходили на улицу слободы и еще трое ворот – в сторону реки. Эти были распахнуты настежь – вои выводили коней на водопой.

Гулька спросил, когда они остановились в воротах, чтобы пропустить косяк возвращающихся с водопоя коней:

– Клим Акимыч, тебе понравились заезды? Будем строить такие у себя?

– Поучиться всегда полезно. Однако стены не по мне.

– Как?! Бревна самые тонкие шесть вершков, да связки в два ряда. И высота небось сажени две!

– Верно, стена как стена. Но надвратных башен нет, а за воротами глаз да глаз надобен. И самое плохое: между конюшной заезда и стеной двух саженей не намеришь. И вот, положим, враг зажег конюшни. Из-за жара защитники разбегаются, стены открыты! Понял? Пошли.

В десятке саженей от ворот невысокий берег полого уходил под лед. Здесь близ берега тянутся узкие проруби, из которых пьют лошади. Клим указал на них Гульке:

– А вот тут, смотри, хозяйское око: сменники не только проруби от ледяшек очищают, но и навоз со льда убирают и на берег таскают – и реке чище, и удобрение для полей. Запомни.

Пройдя вдоль водопоя, Клим полагал вернуться через главные ворота. Здесь между острогом и слободой находился погост. Он зашел в часовенку и поставил свечи к образам. Обратил внимание: народ от него сторонится – он к иконе, а молящиеся от нее в сторонку отходят, неспешно, а все ж заметно – не любят воев! Послушав службу, направился к воротам, тут его нагнал подьячий Кролик, возвращавшийся верхом из города. Приветствуя Клима, стащил треух и попросил:

– К тебе слово есть. Когда прийти прикажешь?

– Пожалей уши, шапку надень. Как вернусь, заходи.

Кролик в избе прежде всего осведомился:

– Нас никто не подслушает?

– Тут – мы одни, Гулька в передней избе.

– Клим Акимыч, ты меня прости, но дозволю спросить вначале.

– Спрашивай, да и садись, чую, разговор долгий. Как христианское имя твое?

– Зови Кроликом, я привык. А крестили Полувием. Так вот, Клим Акимыч, я хотел спросить: ты доверяешь Неждану?

– Доверяю.

– А знаешь его давно?

– Очень давно. А что у тебя против него?

– Понимаешь, по хозяйским делам был я года полтора назад на дому у дьяка Разбойного приказа. И там этот самый Неждан-коротышка распивал с дьяком бражку! Спроста ли такое?! А вот утром поехал он с Егоркой в город, я неспешно за ними. Видать, заметили. Поскакали. А у меня конь резвей ихних. В Заречье, верно, опять узрели, остановились, в лавку зашли, потом опять на коней и поехали. У одного переулка Неждан прямо пошел, а Егорка в переулок. Я за мужиком, а он принялся кружить, опять на Торги выехал и сюда направился. Перегнать я его решил. Поравнялся и глазам не верю: на Неждановом коне, в его одежке – Егорка! В лицо мне расхохотался! Вот ты смеешься, а мне... Ведь это с умыслом сделано: Егорка и ростом, и статью – Неждан. И стрижены одинаково, и бороды белые, у одного по молодости, а у другого от старости...

– Да, Полувий, это не самое лучшее твое действие! Ты – доверенное лицо хозяина, я – тоже. Тебе поручили свое дело, вот его и делай. А у меня с Нежданом другое. И иной раз не только с Разбойным связываться приходится.

– Так ведь я думал, как лучше. Вдруг этот человек из Разбойного! А мы все около плахи ходим...

– Да, кроме всего прочего, ты и трус никак?

– Не обижай, воевода...

– Ладно... Будут сомнения, приходи запросто. А Неждану я доверяю, как себе. Ежели еще чего нет, можешь идти.

– Есть, Клим Акимыч. Доглядчик из Новгорода прибежал...

– Зови сюда.

– Кроме меня, он никого знать не должен. Да и ушел уже. А мне грамоту оставил. Хозяин приказывал все показывать тебе. Вот она. – Это был довольно большой пергамент, с двух сторон исписанный мелкой скорописью.

Клим принялся читать, а Кролик ушел, пообещав вернуться перед обедом. Это был страшный документ о величайшем злодеянии государя и его опричного войска, совершенном на Новгородской земле. Чувствовалось, что пергамент писал священнослужитель, он особенно подробно останавливался на издевательствах над монахами и священниками. Читать было страшно, хотя Клим уже обо всем этом слышал. Пожалуй, новым было описание надругательств над женками и монашками¹...

Вернувшегося Полувия Клим спросил, верит ли он во все написанное. Кролик развел руками:

– Там же и в начале и в конце клятвенно написано, что все сказанное было на его глазах, и Господь спас его от смерти только для исповеди на бумаге. Нельзя не верить!

– Тогда плохо наше дело, брат Полувий. Не ровен час, пожалует сюда государь и придется нам помогать опричникам.

– Упаси Господи! Мы ж крещенные!

– Там у государя некрещенных нет!.. Ты вот что скажи: твои доглядчики говорили что про Изверга?

Кролик наклонил голову и хмуро произнес:

– За такие разговоры язык режут и разогретый свинец в ухо льют.

– За твою грамоту Новгородскую голова тоже не удержится на вые, и наша большая забота – плаху подальше обойти. Так был разговор? Поймали, ловят, куда ушел? Запомни: я должен такое знать, таково распоряжение хозяина.

– Знаю. Но мне приказано слушать доглядчиков, а вопросы не задавать... Об нем доглядчики неохотно говорят. Смущает он народ, из-за него идут на гибель, а сам хитер – от всякой погони уходит. Уж ловят его, стараются. Государь за поимку серебро обещал!.. Ушел он будто бы на Псковщину, там в пещерах прячется.

– Еще что слыхал, выкладывай! Все очень важно.

– Дальше сказки разные. Будто накрыли его с друзьями в лесной землянке. Всех повязали, а он ударился о сыру землю, превратился в сокола и был таков!

Из беседы с подьячим Клим сделал вывод: надо немедленно отправляться, вероятнее всего, во Псков. Окончательное решение за Нежданом.

Теперь предстоял разговор с Медведем. Клим верил в преданность этого воя, но все ж задумался: как он поведет себя, узнав о предстоящем деле? Потому решил повременить и не открываться полностью. А Савву попросил отобрать самых верных, самому проверить каждого воя и коня, а десятникам, как говорится, – гвозди на подковах пересчитать. Запаса взять на пять ден без обоза.

Клим вновь уединился с подьячим, который принес ему описания сел и постоялых дворов по трактам от Старой Руссы на Псков и Великие Луки и из Пскова до Великих Лук. Теперь Кролик знал: воевода не сегодня завтра исчезнет.

Появился Неждан; на этот раз на его коне сбруя была куда беднее прежней. И в ту же ночь Клим, Неждан и полусотня Медведя покинули заезды. Порядка для Клим вечером заглянул к тысяцкому, но тот еще не возвратился. Доложил его товарищу, что выбыл на седмицу по делам хозяина.

10

Мало чего нового поведал Климу Неждан о новгородском погроме. Но, по его твердому убеждению, – Иван расправлялся не со всеми подряд, а особенно жестоко с теми, кто значился

¹ Содержание пергамента почти полностью приведено в главе III тома IX «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

в списке Малюты. Далее, Неждан имел сведения, что Изверг находится где-то подо Псковом и что он уже встречался с печорским игуменом Корнилием. Теперь надобно ждать, что после Новгорода Иван пойдет громить Псков. Потому нужно спешить.

Времени зря не теряли. Воям сказали, что станут делать пробный бросок для проверки надежности коней. Выехали еще до петухов, бежали весь день и прихватили большую часть следующей ночи. Кормили коней, ели сами и отдыхали три раза. Оставили позади сто восемьдесят верст. Погода благоприятствовала – ночью легкий морозец, а днем солнце пригревало. Переход закончился в большом сельском постоялом дворе в десяти верстах от Пскова. Их встретили два человека Неждана, которые подготовили постоялый для приема большого количества гостей и оберегали его от посторонних.

Для многих такая гонка была впервые, и кое-кто, сойдя с седла, валился с ног. Неждан не повалился, но потом признался, что еле-еле добрался в избе до скамьи.

На следующее утро, как только рассвело, Клим решил проверить, как оставили ночью коней уставшие всадники. Но Медведь, оказывается, поднялся раньше – он на дворе уже гонял нерадивых.

Постоялый двор назывался Праздничным, заполнялся он обычно в ярмарочные дни. В нем имелось все для внутреннего обихода: две пятистенные избы да еще небольшая пристройка для почетных гостей, баня, сараи, склады, конюшня с колодами для водопоя. Теперь вои просыпались и начиналась обычная жизнь конников. Клим приказал Медведю запретить воям выходить со двора и вести себя тихо. А после завтрака зайти в гостевую.

Медведь вошел, перекрестился, и просторная светелка сузилась – этому человеку было свободно только в чистом поле! Клим предложил ему сесть, а Гульке кивнул головой, и тот выскочил за дверь.

– Савва, ты согласен, что мы много съели вместе хлеба и соли, чтобы доверять друг другу? – Медведь кивнул согласно, переводя взгляд с Клима на Неждана, который молча сидел, скрестив руки на груди. Клим продолжал: – Так вот, ты должен знать, зачем мы тут и что нас может ожидать. Тебе известно: государь наложил опалу на новгородцев. Полагаем, такой же гнев он положит и на псковитян. Говорят, что главная вина их – они льнут к литовцам. Однако ж мы виним сатану в образе человека! Он прельщает многих и отправляет их на плаху...

– Ты про Изверга? – уточнил Медведь.

– Значит, ты слыхал про него? Ладно. А вот мы хотим поймать его.

– Стукаться мне со многими приходилось, а вот с сатаной ни разу! Померимся!

– Значит – согласен. Другого не ждал. Десятникам намекни, что придется драться насмерть. Однако Бог милостив к смелым, да и дело наше правое. И последнее. – Клим поднял тряпицу на столе, под ней две калиты кожаных. Клим указал на ту, которая увесистее. – Здесь по полтине серебра на воя и по рублю на десятника. А эта вот – тебе.

Савва принялся благодарить, Неждан остановил его:

– Погоди. Благодарить станем друг дружку после дела. А сейчас скажи: всем доверяешь?

– Всем! – не задумываясь, ответил Медведь.

– Поживем, увидим.

Клим распорядился:

– Отбери два десятка самых-самых. Поведешь сам, быть готовым сей ночью. Остальным назначь старшего.

– Десятник Кирилл Драчун всегда за меня.

– А что Драчун, ничего?.. Строго предупреди – днем ни одного воя на улице. Я сказал хозяину – корм сам обеспечит. Начнут твои баловать – наказывать.

Медведь ушел довольный. Неждан не сменил позы, Клим сел рядом. Тот подвел итог:

– Савва с нами. Будем действовать.

– А может, все ж поехать к игумену Корнилию? – спросил Клим.

– Ладно, положим, приехал. Он тебя благословил. Ты ему о вражеском обличии Изверга. Притом ты не видел его, не знаешь, кто воистину этот самозванец. А игумен беседовал с ним, в чем-то заверили друг друга. Видать, этот самый Изверг мужик не промах, уговаривать умеет. И Корнилий тебе не поверит!

– А я ему открою сокровенную тайну, на кресте поклянусь!

– Вот тут, конечно, он напугается! За один раз два прикосновения к великой тайне! Он, думаю, не дурак и в совпадение не поверит, а поймет, что тут злой умысел. Ты будешь выходить из одних дверей, а из других побежит гонец к псковскому воеводе!

– Возможно... Тогда пойдем прямо к воеводе и скажем: вот тебе вражина, поди и возьми его.

– Не знаю... Воевода – мужик умный и правильный. Тебя заберет обязательно, может, и Изверга, если тебе поверит. И обоих к государю... Подождем до вечера, повидая своих и тогда...

После обеда Неждан с Егоркой в возке хозяина постоянного двора покати́л во Псков. За ним на некотором удалении полдесятка воев. Здесь, как и в Старой Руссе, местные жители, увидав воинов, поспешно сворачивали за угол или ныряли в первую попавшуюся калитку, не обращая внимания на собак.

У Неждана состоялись три встречи: в Кроме с подьячим, на Торговой площади с купцом, который проводил Неждана до возка. А на паперти уединенной церкви на погосте к Неждану приковывали два нищих на костылях. Правда, после того, как Неждан их щедро наградил, они, забыв про костыли, поспешно разошлись в разные стороны.

На постоялом дворе Неждан сбросил шубу, испил квасу и, когда догадливый Егорка закрыл за собой дверь, выложил перед Климом свой улов:

– Изверг колесит вокруг Пскова, две ночи подряд в одном месте не ночует. Воевода князь Токмаков вызнал об этом и решил его накрыть. И вдруг приказание: все псковское войско спешно отправить в Вышний Волочок. Осталось теперь у князя всего полсотня стрельцов, еле-еле от воров отбивается, не до ловли сатаны.

– Думаешь, с умыслом приказание?

– Это уж как знаешь, так и понимай. Еще: игумен Корнилий находится во Пскове. Он требует от псковского синклита взять под защиту Изверга...

– Что, ему опала на Новгород не в счет?

– Он уверяет, мол, государь поймет необходимость учесть величие церкви. Да и не верит он в пролившуюся кровь. Поклеп, мол, на государя.

– Ужас какой! Действительно поддался прелести сатаны! Ну а сильные мира сего следуют призыву Корнилия?

– Синклит согласился послать своих доверенных навстречу. И еще непроверенный слух: из-под Новгорода вышел или выходит отряд опричников, чтобы накрыть эту встречу.

– Когда и где встреча?

– Пока не знаю. Полагаю, встреча состоится вблизи Новгородского шляха завтра. Людей послал. И нам надобно близко быть... Теперь, Клим Акимыч, о нашем деянии. Хочешь – не хочешь, а выходит – переходим дорогу государю! Мешаем его делу. Государь в такие игры играть не любит. Ему, разумеется, станет известен начальный воин одноглазый с белым чубом и прикажет из-под земли достать его. Потому старшим в этом деле буду я.

– А ты что, заговоренный? Тебя не найдут?

– Да вроде. На мне твоих примет нету. Да и многие меня тут знают как атамана Тараса. Опять же таких атаманов Тарасов тут трое. Со мной людишек человек сто придет. А какой-то воевода одноглазый тут случайно оказался, ехал он с малым отрядом в Печорский монастырь. Наткнулись и вместе взяли Изверга. А может, о тебе и вообще разговора не будет.

11

Нет на Руси большого города, чтоб на главном шляхе из него не стояла бы Поклонная гора, пусть и не гора на деле, а хоть бы холм, но есть. Верстах в семи от Пскова Новгородская дорога избегает на возвышенность, откуда в солнечный день над вершинами деревьев видны золотые блески на луковках и крестах псковских соборов.

Здесь на лесной поляне Поклонной горы стоит постоялый двор, немного поменьше, чем Праздничный, и пяток изб служителей двора. Раньше тут было оживленное место – каждый, направляющийся во Псков, стремился покормить лошадей с тем, чтобы не искать становища в городе. Ну а нынешней зимой совсем замер Новгородский шлях – в великой беде великий град!

Поэтому и стар и млад с интересом следили, как под вечер в день преподобного Пафнутия (15 февраля) к пустующему постоялому двору подъехали четверо всадников, по виду – дворяне среднего достатка, но в шубах не местного покроя, скорее всего, московского. Всадники заехали во двор, спешили, поговорили с хозяином, и тот приказал всем работникам, задав корм скотине, разойтись по домам. С ними ушла и хозяйка, забрав сторожевого пса. Уже совсем ночью подкатил возок, его ждали – перед ним ворота сразу распахнулись. Возчик, не покидая козел, придержал коня. Из возка вышли двое дворян высшего достатка и пошли в избу, а возок укатил. Через несколько минут в окнах погас свет, и постоялый двор будто вымер.

На заре пришли работники, напоили скотину, задали корм и тут же ушли по домам. Проснулись и дворяне, завтрак готовили себе сами. Судя по тишине в избе – они завтракали. Хозяина в избу не пустили, к столу не пригласили. Он вышел в сени с краюшкой хлеба и кувшином кваса и уселся завтракать на перевернутой бочке перед окошком.

Дальше произошло все, как во сне: дверь со двора в сени тихонько открылась и в нее сразу вошло столько человек, что в сенях стало тесно. Хозяин успел только вскочить, первый вошедший человек прижал саблей его голову к стене. Тут подошел маленький седой воин и, отстранив саблю, прошептал:

- Ты хозяин? – Тот кивнул головой. – Гости где?
- Там. Завтракают, – еле-еле выдавил хозяин.
- Где стол? Как сидят?
- Вот так стол, – хозяин показал на стену. – За ним четверо. Двое отдельно в светлице.
- Ладно. Иди в избу, дверь оставь открытой. Сам – куда-нибудь в угол. Пошел.

Появление хозяина удивило гостей, но в следующее мгновение они отвернулись от него, занятые едой, и тут около каждого из них оказалось по два воина, схватили за руки, подошел третий, обыскал и отстегнул оружие и принялся связывать руки. Но за столом оказалось только трое гостей, четвертый вышел из светелки, его схватили несколько рук и оттащили от двери, в которую ворвались вои.

В светелке за столом сидел пожилой дворянин, он даже не поднялся. Помоложе стоял около поставца со склянкой в руке. Бросив склянку, он прыгнул к постели, где лежали сабли и пистолы. Но, наткнувшись на саблю, опустился на пол, зажав рукой грудь. На рубахе начало расплываться красное пятно.

В светелку вошел воин в добротной шубе с седым чубом на правой стороне лица, распорядился:

– Гуля, посмотри, сильно наткнулся. – Он сел на скамью, стоявшую у постели. Гулька ножом вспорол на раненом рубаху, отстранил руку раненого. Клим подошел, пальцами зажал рану, из которой, пульсируя, лились кровь. Держал он ранку несколько секунд, кровь остановилась.

– Гуля, чистую тряпицу намочи вином, – он указал на бутылку, валяющуюся на полу. Гулька уже протягивал мокрую тряпицу. Клим прижал ею рану и обратился к раненому: – Держи вот так. Чего дрожишь? Благодарю Бога – легко отделался. Гуля, а ты перевяжи.

Пока Клим занимался молодым, Неждан подошел к старшему. Тот продолжал сидеть, будто его ничего не касалось. Неждан приказал двоим ребятам отнести стол со всеми яствами в другой угол. Теперь под иконами открылся дворянин лет пятидесяти, голова брита наголо, борода русая, седеющая, стрижена на клин, удлиняя и так лошадиное лицо со злым взглядом серых глаз. Одет в расшитую розовую рубаху, подпоясанную широким поясом, суконные шаровары и добротные меховые сапоги.

Неждан поднес небольшую скамейку и сел против пленника. Клим стоял несколько в стороне. Он спросил:

– Когда должны приехать гости к тебе?

– Кто ты такой? Как смеешь чинить насилие? – громко, почти закричал пленник. – Да ты знаешь ли, что ждет тебя?!

Неждан, не вставая, наклонился к нему:

– Слушай, ты, как тебя там? Отвечай, когда спрашивают.

Тут дверь отворилась, кто-то сказал:

– Попы у ворот.

– Пойду с ними поговорю, – сказал Неждан, поднимаясь. Теперь Клим сел на его место.

– Ты хочешь знать, кто мы? Ладно. Тебя в народе и в Разбойном Извергом называют. Этого хватает, меня не интересует, кто ты на самом деле. А я – вой, поклялся поймать и обезвредить тебя. И вот ты в наших руках. Слышал, монахи приехали. Говори: когда пожалуют опричники государевы, чтобы накрыть твоих гостей?

– Вой, отвечать тебе не стану. Я есмь великий князь Юрий Васи...

Клим сорвался и гаркнул:

– Замолчь, скотина! Назовешься еще раз самозванным именем, останешься без языка! – В дверь заглянули вои. Клим обратился к ним: – Ребята, крикните Котю. – В дверь протиснулся лохматый человечик. – Вот, Котя, покажи свою длань этому.

Котя враскачку прошел в передний угол и сунул под нос Извергу кулак величиной с ведерную бочку, поросший рыжей шерстью. Изверг в испуге отодвинулся. Клим усмехнулся:

– Значит, понял. Так отвечай, когда пожалуют опричники?

– К обеду.

– Ладно, время пока есть. Спаси Бог тебя, Котя. Иди.

Вернулся Неждан:

– Объяснил я им, умчались. Сказал: пусть государя поджидают по своим местам да язык за зубами держали б. Один, видать, сумасшедший, попробовал спорить... А этот сказал?

– К обеду, говорит.

– Разъезды я выслал и за Медведем послал. А с этим что?

Изверг, наверное, только сейчас понял свою безысходность. Он тоскливо спросил:

– Чего от меня хотите?

– Ты саблей хорошо владеешь? – спросил Клим.

– Не обижаюсь.

– Вот и ладно. Слушай мое решение: за то, что ты назывался чужим именем, за то, что из-за тебя погибли тысячи тверчан, новгородцев и других, я вызываю тебя на суд Божий. Пусть Господь решит, кто из нас заслуживает смерти!

– Не согласен! Не хочу! Против моей чести! – застрекотал Изверг.

– Значит, предпочитаешь дыбу и смерть на Лобном?

– Государь не допустит, чтоб меня пытали!

– Ага! Очень много знаешь! – обрадовался Неждан. – А может, нам плюнуть на все, увезти в лес подальше, да поговорить с пристрастием? Много чего узнаем. А? И нам никакой опасности.

– Пусть сам решает: либо суд Божий, либо дыба, можно и в лесу, Коте поручить...

– А ежели на суду Господь дарует мне жизнь, ведь этот, – Изверг кивнул на Неждана, – живьем меня не выпустит.

– Смотри! – Клим и Неждан перекрестился на иконы. – Перед Богоматерью жизнью клянемся отпустить тебя на все четыре стороны.

Неждан горестно добавил:

– Будем знать, что не все положенные тебе грехи совершил. Живи другим на гибель!

– Согласен на Божий суд! Однако ж я хочу знать, с кем биться стану.

– Так и быть, скажу на ристалище. Теперь о твоих соратниках.

– Жив останусь, отпустите со мной.

– Ладно, – неохотно согласился Неждан. – Жалко мне их, ведь ты всех на плаху вел.

...Тут же оговорили условия ристалища: биться на саблях без кольчуги, но со щитом. К тому времени привел свой отряд Медведь, а из леса подошло с полсотни лыжников, нанятых Нежданом. Одеты они кто во что, вооружены так же, потому их вид навел страх – все жители поселка попрятались. Но Клим хотел, чтобы суд наблюдали все. Пошли по избам уговаривать. Кроме местных тут оказались купцы, их уговаривал сам Неждан, который предупредил: сразу после суда пусть бегут отсюда чем дальше, тем лучше, но не в сторону Новгорода.

Посреди улицы образовали обширный круг, зрителей пеших и конных было под две сотни. Из постоянного двора вышел Клим в накинута на плечи шубе, за ним Изверг в сопровождении Неждана и пять дворян, спутников Изверга; их развязали, но позади каждого вой с саблей наголо. Клим громко возвестил:

– Други, и вы, гости! Я, вой по имени Клим, вызвал на Божий суд вот того дворянина, который назвался князем Георгием. Я клянусь. – Клим достал нагрудный крест, перекрестился. – Клянусь вечной загробной жизнью на сим кресте: этот дворянин не князь и не Георгий! Он вор и предатель, он погубил тысячи людей!

Толпа загудела. Неждан подтолкнул Изверга:

– Давай, клянись и ты.

Тот поднял саблю, вышел на середину круга и шумнул:

– Сей вой Клим – лжец и клятвопреступник!

Медведь слегка тронул коня и рывкнул:

– Как смеешь, гад! На кресте клянись!

Его поддержали голоса многих:

– За воеводу живот положим! В сабли лжекнязя!!

Клим, сбросив шубу, шагнул к противнику со словами:

– Защищайся, предатель! – И сильно ударил по щиту.

Молниеносно обменялись пробными ударами и разошлись, точнее, Изверг отпрыгнул; для него оказалось неожиданным, что Клим держал саблю в левой руке. В свою очередь Клим понял, что перед ним достойный противник, и пожалел, что лучшее время для Клим-бойца минуло!

В следующее мгновение напал Изверг, несколько ударов, и опять отскочил. Потом еще раз. Клим освоился с такого рода нападениями и определил слабые места. В следующий прыжок Клим ударил по шлему, насадив его глубоко на уши, и кольнул ногу чуть повыше колена. Изверг в свою очередь с силой ударил по щиту, и в правой руке неожиданно вспыхнула боль. Клим отметил: там еще где-то гнездилась болезнь! Еще скачок, и новый удар по шлему и укол ноги. Следующего прыжка не последовало. Клим издевался:

– Ну, что, попрыгунчик! Давай прыгай! Из твоих порток решето сделаю!

Изверг не прыгнул, а быстрым движением поправил шлем. Теперь напал Клим. Эта стычка длилась много дольше первых, звенели сабли, высыпая искры, бухали щиты, кричали бойцы. Неждан с горечью отметил, что воители равной силы и ловкости. Значит, воистину исход зависит от Господа Бога! На всякий случай он приготовился оберечь Клина от смертельного удара, если тот оплошает. Но оплошал Изверг – он поскользнулся и, чтобы не упасть, махнул щитом, открыв тело. Однако Клим не воспользовался промахом. Наоборот, отступил на два шага. От зрителей – крики одобрения, а Неждан выругался: нашел с кем любезничать! Эх, Клим, Клим!

А бойцы сошлись еще раз и еще... Клим теперь знал, что у противника слабые места – шлем и левая нога, и пользовался этим. Синие шаровары повыше колен потемнели от крови, шлем надвинулся на глаза. Теперь Клим наступал, не давая передышки, не давая времени поправить шлем. Чтобы следить за Климом, Извергу приходилось неестественно задираť голову. Он делал промашку за промашкой и получил ранения в шею под бармицу и дважды в грудь, но отбивался и держался на ногах крепко. И вот тут Неждан опять выругался, на этот раз громко: Клим резко отступил, крикнув:

– Правь шлем, хрен собачий! Погибели на тебя нет! – И вот только сейчас заметил: у себя на левом плече белой рубахи расплывалось кровавое пятно – не помнил, когда наткнулся!

Изверг поднял руку, на которой был щит, но поправить шлем не сумел, качнулся и оперся на саблю. Клим опять кликнул:

– Кто там из его людей, помогите!

Соратники устремились к нему, а у того подкосились колени, перегнувшись, повис на руках подбежавших. Из рта побежала струйка пенящейся крови. Шлем с него сняли, завернули в шубу и понесли на постоянный двор. Накинув шубу на плечи, за ним пошел и Клим, следом Неждан и спешившийся Медведь.

В сенях Клим склонился перед Извергом, его лицо исказилось злобой – узнал. Поднял голову и прохрипел между вздохами:

– Твоя, вой... правда... я... не Юрий... радуйся... убил... государь... не простит... – Он уронил голову.

Клим, распрямляясь, сказал:

– Все слышали: никакой он не Юрий! И смотрите, – он распахнул шубу, перед рубахи до пояса был в крови, – бились на равных!

Гулька, разрезав, снял с Клима рубаху, сноровисто промыл белым вином рану, неглубокую, но без малого в четверть по плечу и груди. Наклеил повязку вишневым клеем. Пока она подсыхала, Неждан принял гонца, который, поспешно перекрестившись, выложил:

– В пяти верстах видел четверть сотни кромешников. Бегут сюда. Теперь верстах в двух.

– Спаси тебя Бог. Ступай... Думаю, Клим, тебе лучше не встречаться с государевыми подручными. Разговора доброго не будет. Да и людей уведи от греха.

– Что же, принимай гостей. Однако просьба: сильно не дразни. Лучше побереги людей, может, защищать Псков придется. Савва, уводи своих. Там, у ключа меня подождете, я тут со стороны погляжу на государевых людей.

Государевы люди скакали уверенно. Увидев вооруженных мужиков и оборванцев, начали сдерживать коней, образуя тесную группу, впереди трое выделялись дорогими шубами, породистыми лошадьми и богатой сбруей.

На крыльце среди людей Неждана стоял он сам с Климом. Неждан объяснял:

– Смотри на милость, к нам пожаловал сам князь Афанасий Вяземский, этот тот, что в середине. Справа от него – друг и, кажись, родственник его, Федор Ловчиков, а левее кто, не знаю, из новеньких, видать.

Вяземский и сопровождающие его осадил коней перед крыльцом.

– Что за люди? Кто разрешил?!

Тишина была ему ответом. Князь понял, что молчание ничего хорошего не сулит, но продолжал ерепениться:

– Что, онемели? Так вашу перетак! Старшего ко мне!

– Я старший, – негромко отозвался Неждан. – Гляжу, у тебя вопросов тьма, зайдем в избу. А людишкам твоим лучше отойти за околицу.

– Ишь чего захотел! Не забывай – я есмь приближенный государя! И он позади следует.

– Он, положим, далеко еще. А я все ж уважаю государевых людей. Но вон те кругом по-разному мыслят, а их вишь сколько! Ну, раз не доверяешь мне, будь по-твоему, пусть останутся, но от греха подальше... Архипка, пропусти людей князя во двор, а наших удали.

Князь вместе с опричниками въехал во двор, отдал какие-то распоряжения и, спешившись, вошел в сени, за ним четверо. Остановился подле недвижимого Изверга, всмотрелся в его лицо. Пятерка рядом стоящих дворян низко поклонилась князю, их связывать не стали. Неждан проводил князя и его спутника через первую избу в светлицу.

Медведь и его два десятка воев отъехали за минуту до появления государевых людей. Сейчас за ними поспешил Клим с Гулькой. Встретились они на небольшой поляне недалеко от тракта. Это место было известно многим, здесь в овраге имелся незамерзающий родник. Неждан должен был присоединиться к ним позднее.

...К тому времени в светлице произошла стычка. За Нежданом в нее вошел князь с четырьмя приспешниками и мигнул им. Последний из них толкнул задвижку. Князь направился к скамье в передний угол, а три опричника рванулись к Неждану. Тот недаром когда-то скоморошничал. Поняв, в чем дело, он кошкой прыгнул на скамью под иконы, выхватил длинный нож и этим ножом придавил горло князя, прижав его голову к своему животу. Крикнул:

– Стоять всем! Шевельнетесь – смерть князю! Ребята, взять кромешников!

С печки, из-за полога кровати выскочили четверо охраны Неждана и Егорка. У опричников отобрали сабли, ножи, у князя – пистоль. Без приказа, по собственному разумению, снимали пояса, сопротивляющихся били. Неждан убрал нож, прыгнул со скамьи со словами:

– Ах, князь, князь! Я полагал с тобой по-хорошему, а ты...

– По-хорошему! Смотри, сколько припрятал людишек!

– На всякий случай! А вишь, сгодились. А ты хоть и князь, а не сообразил: атаманом тут каждый хочет быть, и моей смерти обрадовались бы. А твоих людишек отобрали б догола и по сучкам развесили б. А ты, качаясь на воротах, встретил бы государя. Считаю: я спаситель твой! Ребята, оружие верните князю, он все понял. И пояса отдайте – мы не грабители. Теперь все вон, говорить буду только с князем.

Неждан видел Вяземского и на выездах царских, и на паперти, когда тот шел в церковь. Обратил внимание на бледность его лица, не загоравшего ни от солнца, ни от ветра. А сейчас он воистину был бел до синевы. Черная борода и тонко подстриженные усы резко подчеркивали его бледность. Он платком вытирал кровь из царапин на горле и пальцах, которыми пытался защитить горло. Взглянув сердито на Неждана, попросил:

– Негоже одному. Оставь вон того, Федора.

Неждан усмехнулся:

– Боишься, государь не поверит одному?

– Государь мне как самому себе верит! Из моих рук любое питье приемлет!.. А все ж оставь Федора.

– Будь по-твоему. Со мной Котя. Ступайте. – Дверь захлопнулась. Вяземский и Ловчиков сели под иконами. Неждан не без достоинства спросил: – Князь, мне разрешишь присесть?

– Садись. Пока твоя берет.

Неждан сел против на скамейку, подставленную Котей. Тот встал позади него. Неждан напомнил:

– Ты, князь, хотел узнать, кто мы. Так вот: я – тутошный атаман лесной Тарас. Мы высле-
дили сатану в образе человека – Изверга. Ваши государевы людишки каждый раз упускали его.
Оказалось, с умыслом – он наводил вас на слабых людей, кои доверились ему. А опричники
этих людей врагами называли и убивали без жалости. В Новгороде мы насмотрелись!

– Откуда ведаешь, что то Изверг был?

– Сознался он нам тут, покался. Все слышали, сказал, что не Юрий Васильевич он.

– Что еще наговорил он на государевых людей?

– Много чего. К примеру, сказал, за кем ты приехал.

– Да? И где же те, за кем я приехал?

– Пятеро дворян вон в той избе сидят, ждут своего смертного часа. А еще монахов ждал,
да, видать, те за ум взялись, не поехали. Есть еще чего спрашивать?

– Есть. Откуда тут у тебя вроде как государевы вои были?

– То из ополчения, государю пополнение пришло. Так вот их тысяцкий пожелал покло-
ниться печорским угодникам, да наткнулся на меня и на Изверга. Не то что ты, в драку со
мною не полез.

– Как его звать? Кликни сюда.

– Кликать его не стану, а вдруг с ним стакнетесь против меня! Да он уехал по своей
дороге.

– Куда?

– Это ты его спроси. А имени он своего не назвал.

Молчавший до сих пор Федор Ловчиков зашевелился. Этот опричник из детей боярских
в свои двадцать пять лет был чрезвычайно упитанным. Стычка напугала его, но теперь пришел
в себя, щеки его порозовели. Он подал голос:

– Тут в избе слышал: этот тысяцкий убил кня... – и сразу поправился: – убил Изверга.

– Вон как! – обрадовался Вяземский. – Чего ж ты, атаман, молчал. Вспомни, откуда он,
как звать? Своих спроси. Ведь государь шапку серебра обещал, кто поймает Изверга. Глядишь,
и тебе перепадет. А? Может, вернем?

– Нет уж, пусть уезжает с богом. Но правды ради скажу тебе: Изверга никто не убивал, а
на суд Божий вызвал, видать, раньше его знал. Бились по-честному, при всем народе. Изверг
ранил противника, но Господь решил судьбу того. Вот, пожалуй, и все, князь. Нам пора по
лесам. Скажу тебе на прощание: множество невинных погубили вы в Новгородчине. Не про-
стит вам этот грех Господь!

– Ты что, атаман, из попов, видать? Безгрешным себя мнишь?

– Зачем так, князь? Грехов на мне хватает. Но клянусь: невинных детей, баб и священ-
ников не убивал! А вы всех под метлу!

– То были враги государя, атаман. У них шашни с Литвой...

– У детей-то, у баб?! Брось, князь. В такой заговор ты сам не веришь! Но я о другом. К
Новгороду вы шли без шума, крадучись. Убивали всех, кто мог поднять тревогу. А к Пскову
идете открыто, все знают зачем... Сильнее напугать хотите?

– Атаман, кто ты такой, чтоб я перед тобой ответ держал?!

– Ничего ты не понял, князь. Ведь жизнь твоих кромешников и твоя во многом от меня
зависит. Я сказал им: князь Афанасий – советчик государя. Он для Пскова плохого не посове-
тует. Князю ведомо – в наших лесах много оставшихся в живых новгородцев. А ведь опрични-
ков здорово поубавилось: в Новгородчине остались, ушли с обозами награбленного в Москву.
Да и мысли у опричников другие стали, чем два месяца назад, – разбогатели и хотят отдохнуть.
Наверное, псковичи смиренно примут опалу от государя, князь Юрий Токмаков призывает их
к повиновению. Но вот те, кто в лесах, разгуляться кромешникам по округе не дадут.

– Грозишь?!

– Нет, предупреждаю. Может такое завертеться! Ведь Ливония в дневном переходе. Наши лесные братия извещают: у них вдоль границы много летучих отрядов рейтаров, готовых на все! Ты похвастался, что государь доверяет тебе. Так вот убеди его, дай мудрый совет, не громите Псковщину.

– Государя учить собираешься, атаман!

– Какая тут наука! Знаю, не послушает он вас. И все ж попробовать надо, потому атамань решили вас сейчас оставить в живых и не обирать.

– Вон какие вы добрые! Но и мы ваших положили бы многих!

– Справедливо. Значит, каждому из нас, оставшимся в живых, больше достанется от ваших богатств.

– Ого! Вот это дружба, братство!

– Лесной закон, князь. Здесь выживает сильнейший! И все ж о деле теперь. Вот я сейчас тебе толкую, а во дворе каждому опричнику объясняют, что Псков не Новгород. Пусть ваши люди среди своих поведают, что грядет. Глядишь, разговор и до государя дойдет...

– За такие разговоры...

– Знаю. А на деле помнят: глас народа – глас Божий. Каждый про себя разумеет, весна не за горами. Морозит только по ночам. Случится ранняя весна, вам с нагребленным выбраться будет непросто... Вот, пожалуй, и все. Много лет тебе жить, князь Афанасий, и тебе, Федор.

– Прощай, атаман! – И не утерпел, с угрозой добавил: – Не дай бог встретиться еще!

– Твоя правда, князь, не станете задерживаться тут, и встречи не будет. Вот ежели задержитесь... Ну, пока будь здоров!

Лесное воинство уходило с Поклонной горы ватажками, блюдя порядок. Опричники со злобой и не без страха смотрели им вслед. Понимали: на этот раз пронесло! А могло быть хуже.

12

Вяземский, согнувшись, сидел под иконами, там, где оставил его Неждан; бледность сохранилась – ни кровинки в лице, только желваки катались на скулах. Он поднял тяжелый взгляд на Ловчикова, тот подобострастно глядел на князя.

– Вот так-то, брат Федя. Припомнит нам государь смерть этого сатаны!

– Ты-то при чем?

– Виноватым кто-то должен быть...

– Надо разыскать того самого тысяцкого, – предложил Федор.

– Найдем, но это не поможет. – Ловчиков намеревался возразить, но князь не стал слушать, распорядился: – Прикажи стол на место поставить. Сам разведай, что тати воям говорили. Ко мне Кира и дворян князя Григория.

Киром оказался тот вельможа, что ехал рядом с князем, худощавый, с рыжей бородой, наголо стриженной головой, он встал в сторонке. Князь жестом разрешил ему сесть. Дворяне стояли посреди светлицы. Вяземский, всмотревшись в их лица, заговорил резко и громко:

– Дьяки потом запишут ваши имена и слова. А теперь пусть один скажет, как попались к мужикам и кто убил князя?

Шаг вперед сделал самый молодой из них, с курчавой каштановой бородой на спокойном лице. Без особых подробностей передал события утра и ристалище. Афанасий сидел, закрыв глаза, положив подбородок на руки, опираясь локтями на стол. Когда дворянин замолк, князь открыл глаза:

– Значит, вас тепленькими взяли голыми руками! И, оказывается, не убили князя, а победили в честном бою. Здорово!.. Как выглядит убийца?

– Старик, за пятьдесят. Борода седая широкая. На лице многолетний шрам, правый глаз выбит, глазницу прикрывает седой длинный чуб. Саблю держал в левой руке, щит – в правой.

– Хорошо запомнил его?

– Навечно, князь.

– Как имя?

– Влас, сын Михайла Подгорного.

– Ладно. Вина твоя велика, но стану просить государя. Разрешит, пошлю искать тысяцкого... А с вами потом, ждите решения государева.

Качнул головой. Кир выпроводил их. Вошел Федор. Оказывается, воры убеждали опричников как можно быстрее убираться из Псковщины. Они, лесные люди, станут мстить за всех погибших.

– И ты слушал этот поклеп?! Не вмазал лжецу!

– Ты сам приказал выслушать. А вмазать... Я всех предупредил: будут вякать – языка лишатся.

В этот день Вяземский должен был подготовить государю временный стан, но с малым отрядом на ночь глядя ехать не решился, остался ночевать на Поклонной горе. Выслал полудесяток самых надежных разведать, куда ушли вои с тысяцким.

Среди ночи один из разведчиков вернулся, одетый в мужицкий зипун и в лаптях. Сообщил: спрашивали мужиков в деревне, никто ничего не видел. Выехали за околицу, напали лесные, одного убили, остальных раздели, разули и отпустили, предупредив, что следующих разведчиков всех убьют. Босые опричники с горем пополам добежали до деревни. Там обогрелись, мужики одного одели, дали коня... Афанасий избил вестника самолично. Но все же наутро забрал неудачников.

В этот день и на следующий отряды опричного войска занимали постоянные дворы, монастыри, поселки вокруг Пскова, перекрыв все дороги. А еще раньше из Старой Руссы, Холма и Великих Лук царицы войска и ополченцы двинулись в города и села по старой границе с Ливонией – воеводы не хотели никаких неожиданностей, до них тоже дошли слухи о рейтарах литовских. И, несмотря на такие грозные приготовления, поступали известия, что малым отрядам опричников и воям нельзя стало выезжать даже за околицу – нападали лесовики. Опричники мстили крестьянам: если на дороге встречали одного или несколько мужиков, тут же устраивали резню. Это вроде войны государевых людей с мужиками, от которой росли ватаги разбойников.

Вяземский выбрал для временного стана государя монастырь Святого Николая на окраине Пскова. В субботу второй седмицы Великого поста в конце дня сюда черным вихрем примчался Иван. Пара черных коней цугом без усилий мчала возок царя. Спереди и позади его сопровождали по сотне опричников в черном одеянии схимников. Во дворе монастыря возок замер, схимники-опричники помогли царю. Он был одет так же, как и сопровождающие его. Монахи повалились на колени, настоятель дрожащею рукой благословил прибывшего и свиту его. Иван благословение принял, перекрестился, но крест целовать не стал, а быстро проследовал за Вяземским в покои настоятеля. Опричников размещали по кельям и в монастырских службах. Монахи черной стайкой потянулись в храм на всенощное бдение. Вскоре к ним присоединился и настоятель, которому пояснили, что государю он не надобен, достаточно келаря. Кто-то услужливо пояснил, что государь не в духе.

У Ивана было основание сердиться. Прежде всего, он устал. Три дня мчались сломя голову по семьдесят-восемьдесят верст в день. Верно, он сам пожелал добраться до Пскова быстрее. Но сколько нерадивости! Знают, что следует государь, и не выровняли колею! Надо припомнить, кто в ответе... Но гораздо хуже другое: ему донесли, что убили Изверга! Не взяли у него местных вражин, некого сегодня расспросить... Эх, Афанасий, Афанасий! Зажирел ты, брат!

Тяжелые мысли одолевали, все раздражало его. Запустил братиной с квасом в Федора, который, поднося квас, пригласил государя в баню. Но минуту спустя одумался и поднял глаза,

а друг Федя, облитый квасом, стоит у двери, поникнув головой, от кваса не утерся, вертит в руках пойманную братину. Усмехнулся государь и молвил:

– Пошли!

Баня затянулась. Туда принесли еду, питье. Государь, распаренный, разомлевший, изволил задремать. Где-то за полночь за ним пришли люди, чтобы отнести в настоятельские покои. Но царь, достаточно отдохнувший, решил идти самостоятельно. Выйдя из бани, он остановился – морозный воздух гудел от далекого торжественного благовеста всех храмов Пскова. Он встревоженно спросил:

– Что это?!

Приспешники не знали. Послали в храм за настоятелем. Иван сидел в кровати, когда тот появился в облачении, запыхавшийся и побледневший. Иван возмутился:

– Почему в облачении?!

– Служу всенощную, государь...

– По какому празднику? Почему в городе трезвон?!

Настоятель объяснял дрожащим голосом, теребя пальцами непослушный нагрудный крест:

– Государь, нам ведомо, сколь велик твой гнев на нас, грешных, но не знаем своей вины. По воле прихожан сей час открыты все храмы Господни, чтоб дать народу в последнюю ночь обратиться к Всевышнему с горестной просьбой...

– Хватит! А почему твои колокола молчат?

– Боюсь потревожить твою милость.

– Ступай служи... Боярина Алексея ко мне.

– Я тут, государь.

– Возьми сотню, отправь по церквам и доложишь. Буду спать, разбуди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.